

Цена №-ра 25 к

N 7.

ИЮНЬ 1924 ГОД

А. Буквника

Программа-минимум детской демонстрации.

N 7.

РЕДАКЦИЯ: Харьков, Пушкинская, 32
Телеф. Коммутатор „Коммуниста“

ИЮНЬ 1924 г.

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА:
на 1 месяц . . . . 40 к.
для рабочих при коллективной подписке . . . . . . 30 к.

ДВУХНЕДЕЛЬНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛ

К ПЕРЕГОВОРАМ С. С. С. Р. С АНГЛИЕЙ.

ТЕЛЕГРАММА

ЛОНДОН Английским банкирам.

КОПИЯ Банкирам остальных стран.

Вы безусловно правы, утверждая, что облигации царских займов имеют определенную ценность точка для заворачивания селедок они у нас весьма ценятся в виду своей плотности точка если имеете солидную партию облигаций царских займов можем предложить посредничество по перепродаже на благбаз (Blagovestchenskiy Market) точка ходкая цена—2 копейки (1/2 пенса) за фунт.

РЕДАКЦИЯ ЖУРНАЛА „ПЛАМЯ“.

ТОСЬКА.

I.

Тоське было семнадцать лет. Революция только начиналась. Тоська о ней узнала от нахлебника Алмазова, который снимал у них комнату. Жили они в заводском районе, далеко от центра. Отец Тоськи был модельщик, Алмазов—токарь. Работали они в одном и том-же заводе. Рано утром гудки срывали их с постели, и только поздно вечером возвращались они домой. Встречалась Тоська с Алмазовым или в праздник или ночью, когда дверь ему открывала. Это лежало на её обязанности—старики спали.

Вся жизнь Алмазова проходила на ее глазах. Их комнаты были рядом, и она все знала. что он делает. Держал себя Алмазов с нею, как с большим ребенком: шутил, дразнил ее, притворялся влюбленным. Шалила и Тоська с ним. Шалила, а в сердце девушки любовь стучалась. Ненавидела она девиц в шляпках, что к Алмазову часто приходили. Увидит, бывало в окно, что идут к нему и крикнет, барабаня в стену:

— Эй, ты, сицилист, вон твои шляпки-тряпки идут!..

II.

Алмазов был из тех старых подпольщиков, которые умели увлекать. Начнет говорить—старики заслушивались. Не соглашаются, бывало, с ним, злятся, безбожником называют, а все в конце скажут: „с башкой парень".

Вся молодежь за ним шла. Девицы души в нем не чаяли. Видный был товарищ: рослый, русый, голубоглазый, настоящий ямщик с кудряшками. Наденет кепку на бекрень, а волосы светлые из-под нее, так и кудрявятся плющем... Веселый был,—петь умел. Соседние девки не прочь были познакомиться поближе с таким парнем, но стеснялись: неровней он им казался, с книжками ходил, вроде студента.

Тоська полюбила Алмазова. Из-за него ходила в кружки посещала массовки и читала нелегальщину. Она старалась и внешне походить на знакомых Алмазова, хотела показать ему, что она не хуже тех, в шляпках.

Душа Тоськи не лежала к революции. Жизнь ей казалась не такой мудреной, как Алмазову. И как начнет Алмазов говорить ей „проповеди" (так она называла его речи) о смысле жизни, о борьбе, о свободе—Тоська зевает или смеется.

Алмазов безнадежно махнул на нее рукою.

III.

В подпольи Тоську знали все и многие за ней даже „ухаживали". Она была не глупа, недурна собой и „боевая". Возвращаются товарищи с массовки, ночью, полем; кругом темь, тишь, страх и ширь подгородняя. Отбился чуть человек от своих и невидно его, затонул в шири. Идут с осторожкой, говорят тихо. Около Алмазова всегда товарищи. А в Тоське словно чертенок сидит: увидит—девицы около Алмазова увиваются, начнет нарочно такой разговор, что все парни к ней, как пчелы к меду слетаются. Темь ее влекла. Звезды будоражили.

Ревновала Тоська Алмазова...

IV.

Работала Тоська портнихой в модной мастерской „Мадам Анет". Это была известная среди городских щеголих мастерская. Тоське не раз приходилось бывать в домах богатых заказчиц. Ступать было жутко в этих хоромах—не полы,—а зеркала. Идешь—себя видишь. Цветы, картины, статуэтки, золото... Звон хрусталя музыкой ласкало ухо.

Тоська к чужому богатству была равнодушна. Она была крепко привязана к своей рабочей жизни, к своему кругу, к окраине, к заводским гудкам. Ее сердцу был милее всех барских хором маленький домик, где жила она, где билась душа Алмазова.

Тоська любила...

Не понимал Алмазов душу Тоськи. Ему приятно было играть с нею, гулять, ребячиться, когда время было, но заметить, что она его серьезно любила—ему было некогда. Завод владел им, борьба, рабочие...

И Тоська не понимала Алмазова. Ей казалось, что проста она для него, некрасива. Часто ночью в зеркало смотрелась на себя: бела, стройна, бровиста; в молодом теле, словно нитки голубые, жилки вплетены,—за что не любит? Кольнет душу тоска, и больно Тоське. Бросится в подушку—плачет. Шляпки ему любы... Ученый...

V.

И вдруг изменилась Тоська. Охладела к Алмазову. Точно засыпал кто любовь ее снегом белым. Уж не она ему, а он ей стал двери открывать, позднее его возвращалась. Увидит,

ХОРОШО СМЕЕТСЯ ТОТ, КТО СМЕЕТСЯ ПОСЛЕДНИМ.

(К уходу Пуанкаре).

„Человек, который смеется".

Раймонд Пуанкаре, премьер-министр и вершитель судеб Франции, еще так недавно казался всемогущим властелином... Ныне он бесславно ушел в отставку. Окончившиеся на днях выборы во французский парламент принесли полное поражение национальному блоку, на который опирался Пуанкаре.

Итак,—конец Пуанкаре...

У уходящего премьера „заслуги" столь велики и общеизвестны, что распространяться о них, право, не имеет смысла.

Кто не знает „героя" мирового побоища—Пуанкаре-Войну, Пуанкаре Рурского, Пуанкаре—душителя Германии?... Имя его стало чуть ли не нарицательным для обозначения всего крово-лицемерного, злобного...

Теперь, когда подводятся итоги „славной" деятельности Пуанкаре, уместно будет еще раз [1]) напомнить об одном эпизоде из его похождений, эпизоде, наделавшем в свое время много шума и возбудившем столько толков и пересуд.

Правда, это—мелочь... Но какая характерная, колоритная!..

* * *

Дело было на кладбище жертв империалистической войны, в которой Пуанкаре играл совсем не последнюю роль.

В ясный весенний день явился сюда Пуанкаре произнести свою очередную речь о жертвах войны. Шесть ли тысяч крестов, построенных в правильные ряды, хорошо ли вытюженная складка на брюках, пригожий ли день, новый ли нажим на Германию, очередное ли словоизлияние в палате депутатов,—не знаем, что так веселило Пуанкаре, но в тот день он был, безусловно, в хорошем настроении.

Он добродушно улыбался и весело шутил со своими спутникамм.

А, среди крестов—благо есть где укрыться!—дерзкий фотограф щелкнул кодаком.

И испортил так хорошо начавшийся день Пуанкаре...

Об'ектив фотографического аппарата беспристрастен: не мудрствуя лукаво, он точно фиксирует все, что попадает в поле его зрения.

И попал смеющийся Пуанкаре в редакцию французской коммунистической газеты „Юманите", а затем, распространенный на открытках и сотнях тысячах экземплярах, разошелся по всей Франции.

Получился конфуз. Скандал. Коммунисты в палате депутатов ехидно интересовались причиной столь веселого поведения Пуанкаре, как будто бы и не совсем обычного на кладбище тысяч жертв войны.

Пуанкаре оправдывался. Пуанкаре возмущался. Пуанкаре клялся, что он только... щурился от солнечных лучей!

Но фотографический аппарат, неподкупный и строгий, на компромисс не шел.

Здесь для „прощания" с Пуанкаре, мы воспроизводим эту фотографию. Надеемся, что „Пламя" в последний раз дает своим читателям портрет Пуанкаре.

[1]) См. статью И. Эренбурга „Восемьнадцать тысяч черепов в цинковом ящике" в № 1 журнала „Пламя".

поздоровается и—кончено. Алмазову уж неловко стало называть ее Тоськой. Словно переродилась она: стала серьезней, похорошела.

— Таиса Петровна, вы на меня сердитесь?

— Ничуть. С чего вы взяли.

И разошлись они, точно мало знакомые люди с разных улиц.

VI.

Случилось так, что Тоська ушла из мастерской „Мадам Аннет". Зачастил както в мастерскую жандармский офицер с женой — заказывать наряды. И складывалось так, что к примерке все Тоську посылали. Сегодня примеряет Тоська, завтра — Тоська; понравилась она барыне. И уговорила она Тоську поступить к ней приходящей домашней портнихой. Тоська согласилась и начала работать.

Накануне какого-то бала Тоська барыне новое платье сшила. Удачное платье получилось, красивое. Тоська стояла накорточках и что-то поправляла в подоле барыни, когда в комнату вошел барин. Взглянул нечаянно на Тоськину позу офицер и заметил вдруг, что красива Тоська, молода, стройна, крепка...

— Прекрасное платье. Это вы сделали?

— Тоська встала. Жандарм был красивый, статный мужчина. Глаза нахальные. Не смутилась Тоська.

— Да, это я делала. Нравится вам?

— Очень.

С этих пор заговорил офицер с Тоськой. Веселый оказался, шутник. Когда барыни дома не было, заходил к Тоське в комнату, как будто случайно; посидит немного, поговорит и уйдет. Не охальничал. Охотником подкрадывался. А Тоська чуяла, Не пугалась. Смеялась Тоська, щурила по кошачьи глаза, приглядывалась...

И случилось раз: в доме никого не было; сумерки ступали в мягких туфлях. В окно месяц белый дразнил душу Тоськи. Офицер водил ее по всему дому. Зашалили в одной из комнат. Обнял офицер Тоську. Тисками сжал. Обезсилила Тоська... Глаза туманом заволоклись... Не видела, кого целовала, Алмазова вспомнила. Сопротивляться не хотелось...

VII.

А месяц спустя, утром, на заре, когда чуть свет брезжил и земля туманом в небо уходила, в хату постучались.

— Телеграмма.

Алмазов в это время не спал и сразу догадался,—в чем дело. Надо было поспешить кое-что уничтожить. Старики в доме спали и он крикнул через перегоро[дку] Тоське:

— Таиса Петровна, откройте дверь, за мной, кажется жандармы приехали.

Бросилась Тоська к дверям.

Ворвались, словно пожар тушить спешили...

— Где живет Алмазов?

— Здесь, здесь, не ошиблись. Тише только,—спят люди.

Он говорил спокойно и жевал что-то. Это заметил вошедший в комнату жандармский офицер.

— Выплюнь—крикнул он и схватил Алмазова за горло. Думая, что Алмазов будет сопротивляться, на помощь начальнику бросилось еще два жандарма. Алмазов запрокинул голову и захрипел. Но бумажку секретную успел проглотить.

— Опоздали, господа жандармы — еле прошептал он.

Увидя посиневшее лицо Алмазова, Тоська не могла выдержать. Одним прыжком очутилась она возле офицера и схватила его за руку.

— Брось...

— И отшатнулась. Побелела вся. Глазами в офицера уставилась. Не верит.

— Это... Вы?

— Тося!..—воскликнул жандарм.

Первым пришел в себя Алмазов. От волнения он долго не мог произнести ни одного слова и все смотрел то на Тоську, то на офицера. Покачал головой и сказал:

— Ну, Таиса Петровна, вы провокатор хороший. Теперь я все понимаю... И по-одлая ж вы! Ну, что-ж, господа, обыскивайте...

Алмазов сел и опустил голову. Тоська так и застыла. Тут пришел в себя и офицер. Сообразив, что его знакомство с Тоськой оказавшейся политической, может вредно отразиться на его служебной карьере" он быстро оправился от смущения.

— Обыскать всех в доме—резко приказал он.

-- И ее, вашбродие? — спросил жандарм, указывая на Тоську.

— Всех.

— Несколько жандармов бросились в комнату Тоськи, а один подошел к ней.

-- Не подходи!

— Ничего, ничего, голубушка, он тебя пощупает.—

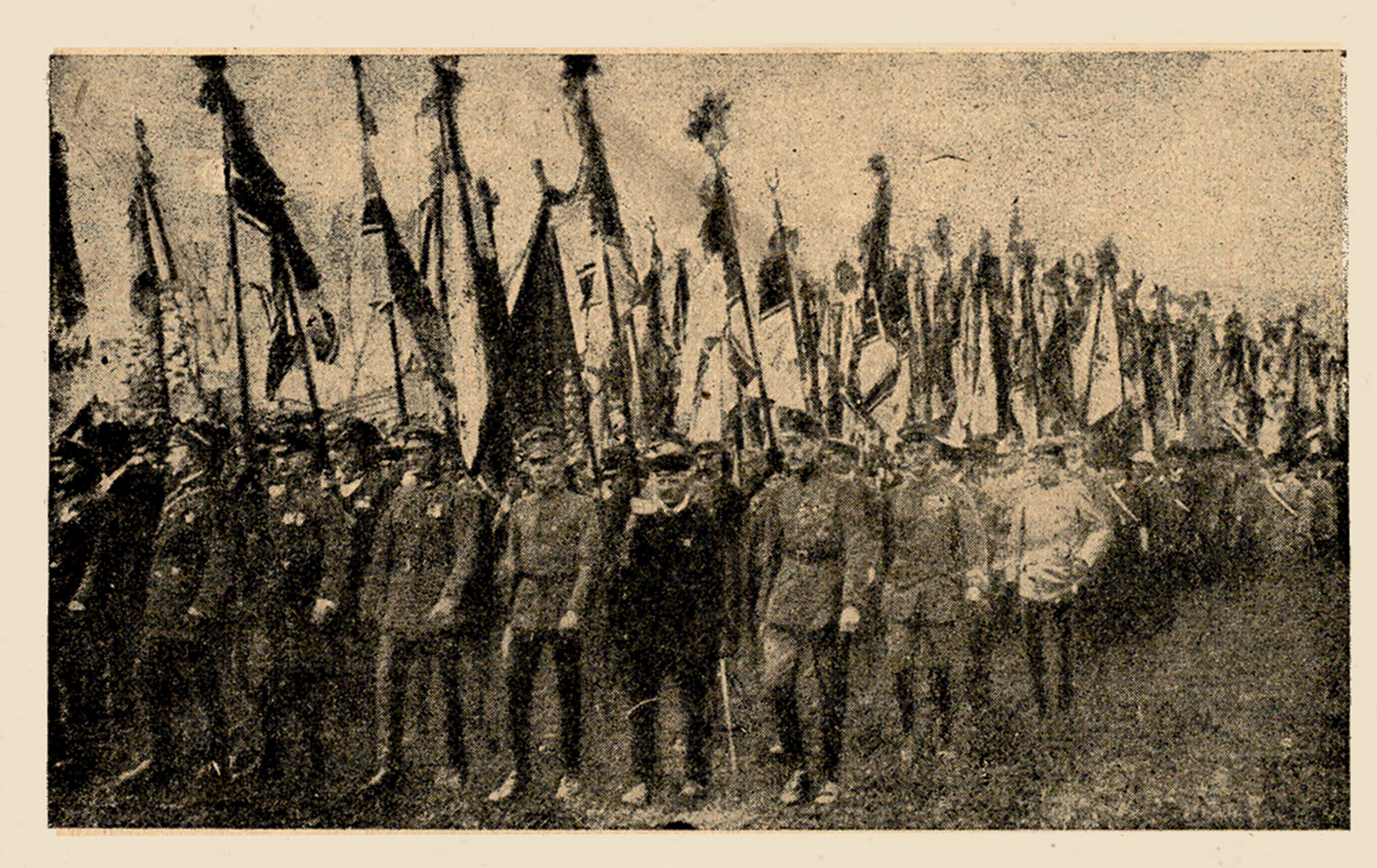
— Как вы смеете!— вскочил Алмазов. Офицер сверкнул револьвером. Забыв все, Тоська кинулась на офицера.

— Палач!—

— Блеснула сталь.

А когда на заводе гудел гудок, Тоську и Алмазова под усиленным конвоем везли в тюрьму.

ФОТОГРАФИЯ, КОТОРАЯ МНОГО ГОВОРИТ.

На снимке—старая вильгельмовская Германия, воспрянувшая к жизни под благодатными лучами республиканско-демократического строя, возглавляемого и охраняемого социал-демократическим президентом Эбертом и социал-демократическими полицеймейстерами, жандармами и сыщиками.

На снимке—знаменитая отныне демонстрация фашистов в Галле, которую помнят не только наши читатели, но и германские рабочие, получившие во время борьбы против этой демонстрации прекрасный урок демократической свободы и социал-демократических симпатий.

Вскоре после ноябрьской революции рабочие в городе Галле стащили с пьедестала памятник знаменитого по своей ненависти к рабочим верного слуги капиталистическо-помещичьей Германии, преданного служаки вильгельмовской вотчины-генерала Мольтке.

Окрепшие за этот год фашисты, решили восстановление сброшенного памятника сделать днем смотра своих сил, мобилизуемых для борьбы с нынешней Германией демократического ханжества и лицемерия. Еще за несколько дней до открытия памятника в Галле стали стекаться со всей Германии тысячи фашистов в боевом порядке. Все поезда в направлении на Галле были запружены бывшими вильгельмовскими генералами и офицерами, сынками помещиков, банкиров, капиталистов и лавочников, членами правых организаций.

Прусское правительство, в особенности его министр внутренних дел, социал-демократический палач рабочих, кровавый Зеверинг,-приняли все меры к тому, чтобы наилучшим образом обставить это празднество фашистов. Иначе на это выступление посмотрели галльские рабочие, которые вполне справедливо усмотрели в этом параде вызов германским рабочим. По скольку в Германии воспрещены открытые демонстрации, галльские рабочие категорически потребовали воспрещения этого парада оголтелых черносотенцев.

Социал-демократический министр Зеверинг на это ответил мобилизацией полиции в защиту фашистской демонстрации. Рабочие стали стекаться в Галле. Со всех концов Германии в Галле стали прибывать немецкие рабочие, чтобы устроить контр-демонстрацию. Но в день выступления немецких фашистов всякий доступ рабочим в город был прекращен, а те рабочие, которые уже успели проникнуть в город, были окружены в рабочем доме. Попытка выступить на улицы обошлась дорого германским рабочим. По ним был открыт огонь, в результате которого рабочие понесли жертвы убитыми и ранеными.

Но за то по Галле победоносно шествовали германские фашисты, одетые в форму вильгельмовской армии, с вильгельмовскими знаками отличия, под вильгельмовскими знаменами.

Если сравнить разрешение этой демонстрации с воспрещением первомайских демонстраций в Германии, то станут ясными заслуги германских социал-демократических министров перед реакцией.

Недаром на недавно закрывшемся с'езде германских социал-демократов так усиленно звучали требования предоставить и социал-демократам кусочек власти в нынешнем получерносотенном правительстве Маркса. Так услужать и растреливать рабочих, так лезть из кожи вон для преуспеяния немецкого фашизма и неполучить даже какого нибудь затасканного министерского портфельчика-это, действительно, обидно.

Социал-демократы прямь имеют право протестовать против такого невнимания к их заслугам.

VIII.

В тюрьме Алмазов узнал, что Тоська не виновата в его аресте. Ей пред'явили обвинение в принадлежности к рабочей партии, хранении литературы, которую давал ей Алмазов, посещении кружков и массовок. Сочли ее серьезной политической работницей, покушавшейся на жандарма во время ареста. Тоську изолировали от всех и посадили в плохую одиночку.

В первые же дни Алмазов послал ей через коридорного записку, в которой просил простить его. Ответа он не получил. Дни шли. О Тоське ни слуху, как будто и нет ее в тюрьме. А с „воли" получилось письмо, в котором комитет сообщал Алмазову, что Огнева (фамилия Тоськи) держит себя на допросе стойко и даже признала себя членом партии. И еще сообщили: в городе носится слух, что Тоську изнасиловал жандармский офицер. Прочел это письмо Алмазов, и ни одной минуты покоя не стало у него. Встает день ареста перед глазами и жжет слово, которым он обозвал тогда Тоську. Хотелось повидать Тоську и вымолить прощение. На день два раза записки посылал. Много этих записок жандармы перехватили и к делу Тоськи подшили, как лишнее доказательство ее политической связи с Алмазовым.

Молчала Тоська. А записки доходили. Прямо в „волчек" бросал ей корридорный. И рассказывал потом: сердитая барышня. Скажите, говорит, Алмазову, чтобы не писал мне.

IX.

Шли недели, месяцы. Вся тюрьма знала, что Огнева беременна. Алмазов настаивал чтобы тюрьма потребовала ее освобождения. Решено было об'явить голодовку и потребовать прокурора. Об этом узнала Тоська. Первый раз послала записку Алмазову:

„В мою частную женскую жизнь прошу организацию не вмешивать. Если вы не оставите непрошенные заботы, у меня есть средство, чтобы вы обо мне не безпокоились".

С тех пор Алмазов ничего ей не писал, от голодовки отказался, но думать о ней не переставал. Вешними зорями бухла, как почка, неизведанная любовь. Образ Тоськи тюремные стены смывал.

Головой к тюремной стене прижался, когда вспомнил, что сделал жандарм с Тоськой. „Убить, убить надо. Отомстить. Она этого хочет. Она простит тогда. Как жестоко я ее обидел"...

X.

Родился у Тоськи в тюрьме мальчик. И первыми услышали его крик уголовные арестанты. Поднялся шум — Тоська родила без акушерки. Редкий случай всколыхнул всю тюрьму. Во всех камерах говорили о том, что родила „политика". Шпана арестантская на этот счет острила, седоволосые Иваны, вспомнив, может быть, себя в детстве говорили:

— Вот она, жизнь наша: путем высохнуть еще не успел человек, а уже арестант.

— Не украл, а в тюрьму посадили. Теперь нашему Волчку возня: арестант новый есть, а в списках не значится.

— И имеют-ли они еще право держать-то его? Закона такого нет.

А старый кандальник Волчанка, большой мастер из хлеба лепить бродяжек, когда узнал, что в тюрьме ребенок родился, слепил свистульку и, постучав надзирателю, сказал:

— Милай Никандрыч, отдай, брат, эту штуку ребеночку политики, то-то рад будет, бедняжка. Ведь это чтож за порядки?.. Эх... отдай милай.

Суровый Никандрыч насупился, ничего не сказал, но, взяв свистульку, осторожно положил ее за пазуху,

— Отнеси, ребеночку,—приказал он корридорному. Скажи, арестант, мол, прислал, каторжник.

Стыдно только, а то бы заплакала Тоська от радости,—так тепло отнеслись к ней арестанты. Повеселела Тоська с рождения ребенка. Полюбила его маленького с пятнышком на щеке. И когда товарищи посоветовали ей отдать ребенка в воспитательный дом, думая, что дитя ей будет в тягость—Тоська наотрез отказалась. Она знала, что тяжело ей будет в жизни с ребенком жандарма. Но... крепче прижимала его к телу.

— Володька, — шептала она.

Смеялся, красный, как будто понимал мать. Ручонками лицо матери ловил. Целовала его Тоська в родимое пятнышко.

XI.

Прошло лето. Потемнело в камере: сыростью осени запахло. Стали готовиться в ссылку. Жандармский офицер Грызлов сделал все, чтобы Огневу дальше отправили. Ее и Алмазова в глухую деревушка Туруханска назначили. По пяти лет ссылки дали.

Осенним дождливым утром, в арестантском бушлате с ребенком в руках встретилась Тоська во дворе тюрьмы с Алмазовым. Полтора года не видались. Неловко было Тоське глядеть в глаза Алмазову, но еще хуже себя чувствовал Алмазов.

— Прощай, Тося, прощай, Алмазов, кричали им в окно товарищи.

Тронулись со двора. Уныло зазвенели кандалы кандальников.

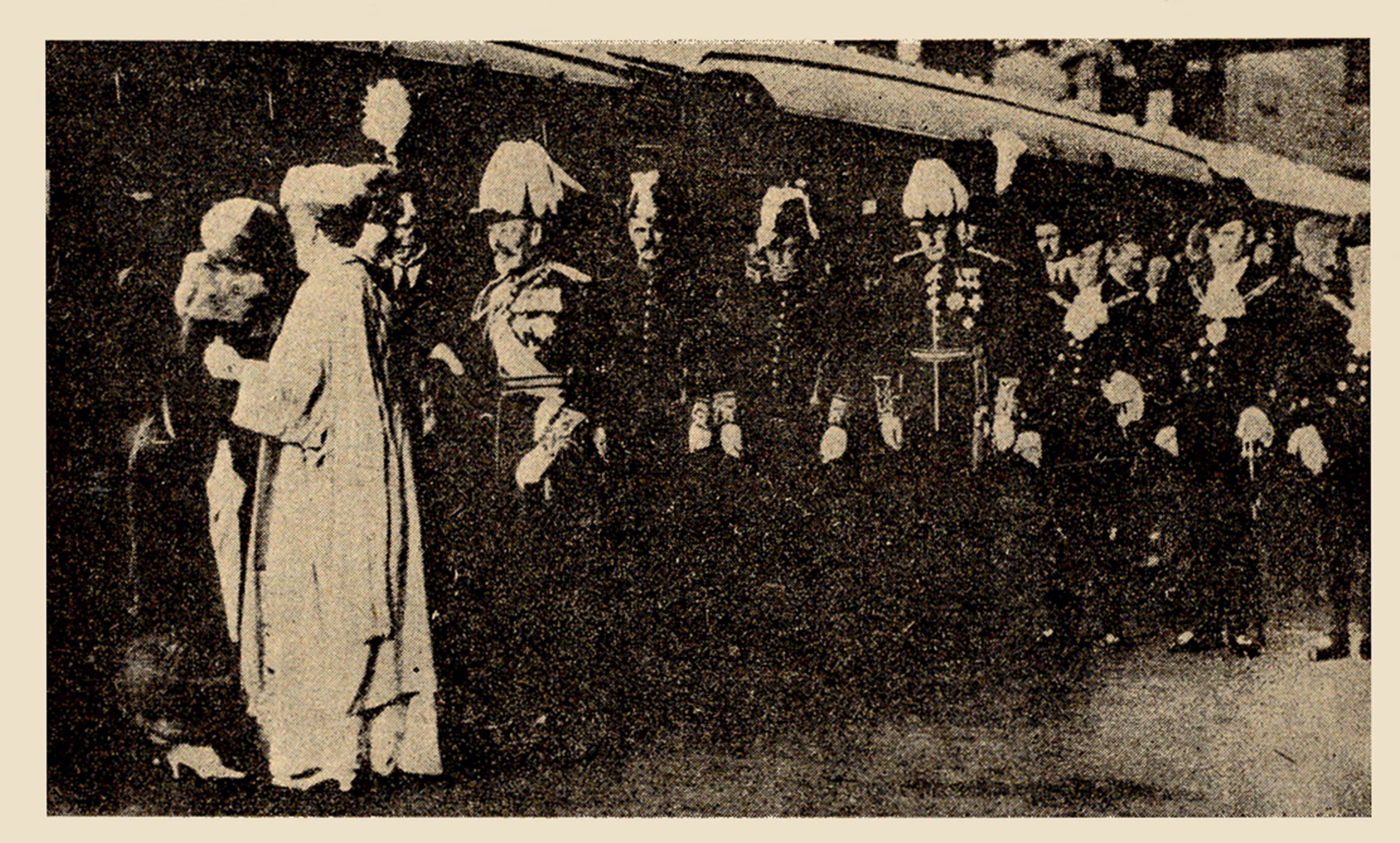
— Не отставать! — грозно предупредили конвойные.

Тоська тяжело шагнула.

— Господин конвойный, женщину с ребенком надо на подводу посадить — потребовал Алм... — Ей тяжело идти.

...ты что за заступник?

СОЦИАЛИСТЫ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА.

Английское правительство рабочей партии, возглавляемое Макдональдом, всячески урезывает сейчас расходы на помощь безработным, и энергично борется против повышения жалования государственным рабочим и служащим. Все протесты против такого нажима встречают один ответ:

— Денег нет.

Но за то Макдональдовское правительство очень хладнокровно и благосклонно смотрит на то, как миллионы государственных долларов тратятся на содержание королевского двора и дармоеда короля. Не меньшие суммы сыпятся также на оплату палаты лордов, в которой несколько десятков выживших из ума стариков и бывших министров „охраняют" устои британской империи против каких бы то нибыло новшеств и попыток рабочих потревожить разбухшие карманы английских банкиров и заводчиков.

Правительство Макдональда не хочет ударить лицом в грязь перед бывшими чисто буржуазными правительствами. Какое же настоящее правительство откажется от верноподданности своему королю и от охранения освещенных давностью историй устоев британской империи? И Макдональд, вкупе со всеми остальными министрами из рабочей партии, рьяно выполняет обязанности правительства его величества короля Британии.

Жены рабочих министров стараются на придворных балах выступать в нарядах, которые не были бы хуже нарядов „настоящих" леди. Они напяливают на себя, добытые долгой службой их мужей рабочему классу бриллиантовые ожерелья, кольца, колье, браслеты и вызывают одобрительное к себе отношение со стороны придворных дам. Больше того, министерские жены по образцу всех прежних министерских жен пишут подробные корреспонденции в желтых газетах о своих впечатлениях на таком то и таком королевском балу. Правда, рабочие в рабочей газете „Дейли Геральд" на это отвечают очень неблагодарно и не понимают всей торжественности переживаний министерских жен, попавших в королевский дворец. Они пишут, что лучше было бы, если бы жены министров, поставленных рабочим классом, писали бы о жизни и доблести не придворных дам, а тех жен рабочих, которые ежедневно бьются, как бы из тощего заработка своих мужей выкроить средство для содержания своей семьи. Но стоит ли на это обращать внимание? Ведь, кому в королевском дворе не известна черная неблагодарность и грубость вкусов рабочих?

Стараются не отстать от своих жен и мужья министры. На всяких придворных церемониях они сопровождают их величества короля и королеву, ...ля образец социалистической преданности королевским обычаям.

Помещаемый нами рисунок из английского журнала изображает прие...м у британского короля короля румынского, известного своими симпати...ями к румынским рабочим и крестьянам, которым он в сверхнорменным порядке предоставляет очень услужливо места для отдыха от революци...нной деятельности в тюрьмах и застенках.

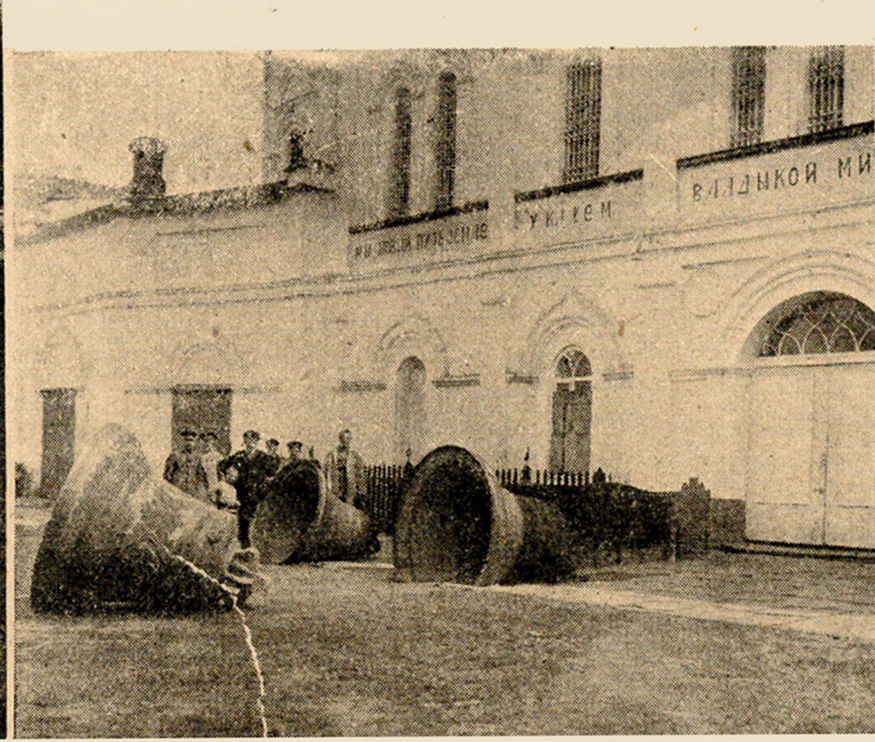
На фотографии английская королева нежно лобызает р...мынскую королеву. За ними стоят английский и румынский короли. А поза... вытянувшись в струнку, в придворной форме стоят Макдональд и ряд руги... ди, ...х министров рабочего „социалистического" правительства.

ВМЕСТО МОНАСТЫРЯ—ДОМ ОТДЫХА.

В 6 верстах от ст. Святогорска на берегу Донца, живописно раскинулись строения бывш. Святогорского монастыря. Года полтора два тому назад еще болтались колокола и ярко блестели золоченные кресты. Всякими путями удерживались монахи в монастыре и только в конце 22 года были сделаны решительные шаги к ликвидации монастыря.

Очаг дурмана был превращен в место отдыха для рабочего Донбасса. Теперь

— По закону не полагается арестантке с дитем пешком иттить--подал голос бывалый каторжанин.

— Я тебе такой закон дам... брань повисла над этапом.

— Конвой, стой! Этап остановился.

— Ну, ты, садись скорее.

Тоська села на подводу.

XII.

Зимой Алмазов и Тоська прибыли на место ссылки. Это была незаселенная маленькая деревушка. Они были первыми ссыльными. С одной стороны деревни лентой черной тайга лежала непроходимая, казалось, без конца и краю, а с другой, глазом не окинуть, — простыня снежная, белая, искристая вдали, с синим отливом. Не только человек—вся деревня в такой пустыне снежинкой кажется.

Сильна была Тоська, а как остались они с Алмазовым в этой могиле (этап ушел дальше)—сердце у ней захолонуло.

И порадовалась, что Алмазов с нею.

Устроились они с ним в разных домах, но с первых же часов вместе оказались. Алмазов пришел помочь ей обставиться, Тоська не протестовала. И так каждый день дела находились: то он дрова ей заготовлял, то к десятнику бегал требовать того или иного; как человек простой он быстро перезнакомился со всей деревней. Сначала его побаивались, а когда он исправил одному поселенцу машину швейную, а другому ружье, его уважать стали. Один из сибиряков даже дробовик старый дал — поохотиться. Алмазов зайцев нахлопал. Лисиц пару убил. Тоська наморозила мяса, а из шкур вроде одеял сделала.

Алмазов печь поправил и когда неделю до глины добирался—кончик носа себе отморозил. Тоська его салом смазала. Сшила ему наушники и дала свой платок шею подвязывать. В избе у них было чисто, тепло и уютно. Тоська обед варила, Алмазов промышлял, а когда делать было нечего — няньчил Володьку.

Потрескивали дрова в печке, тепло избы тело нежило; в сибирском воздухе похорошела Тоська, во...ужала, и Алмазов выглядел обветренным здоровяком, мужчиной. Хотела его Тоська, но гордость удерживала ее. А вдруг, ска...жет; ты жандарму отдалась. Ведь знает он. И любовь тлела, не давая пламени.

XIII.

Приближалась весна. Снег таял полуденным апрелем. Синела тайга в заходе солнца. Небо весной пахло.

— Таиса Петровна, - - сказал как-то Алмазов, беря ее за руку. — Простили вы меня?

Тихо ответила Тоська: — простила.

— А любите?

— Алмазов, — мы с вами уже не дети. Давайте все выясним сразу. Я вас люблю. Но не так, может быть, как раньше. Ведь вы же знаете, что я...

— Я знаю — перебил Алмазов. — Не надо вспоминать об этом. Я никогда вам прошлого не напомню...

-- Нет, дайте мне сказать. Вы меня поймете. Я отдалась жандарму случайно. Моя воля не хотела, а с телом я не справилась. Он взял меня, как это бы могли сделать и вы... помните?.. волнуясь сказала Тоська. И сразу понял все Алмазов, опустил голову.

— Так он вас не изнасиловал?

— Нет — твердо ответила Тоська — Обманывать я вас не хочу. Я любила вас и отдалась добровольно другому.

— А я не знал еще женщин— ..

— Ну, так что-ж.

Алмазов ушел к себе...

Всю сибирскую ночь оба глаз не сомкнули. Бунтом мысли шли у обоих.

Я не прав, — думал Алмазов. Тело не знает различий. И что такого, если у нее сын от врага. Он будет наш, революционер.

Под самое утро он пришел к убеждению, что поступил не как революционер, а как мещанин. Ведь Тоська может понять это, как недовольство тем, что не он был первый. Как все это глупо...

В окно вешнее утро глянуло, тихое, таежное. До талой земли было еще глубоко. Спала деревня. Даже скотина голоса жизни не подавала. Только в болотных топях снег таял и вода разливалась.

Тоська долго неуступчивых мыслей держалась, потом не выдержала: любовь к Алмазову глубоко корни пустила. На самом деле, на что я ему такая? — подумала она. Он вольный казак. Покроется земля ковром л...ета — улетит. Что ему делать в тайге? Всего борьбе отдал. Женщин еще незнал. Милый он...

И противна самой себе Тоська показалась...

С прилетом птиц Алмазов бежал из ссылки.

XIV.

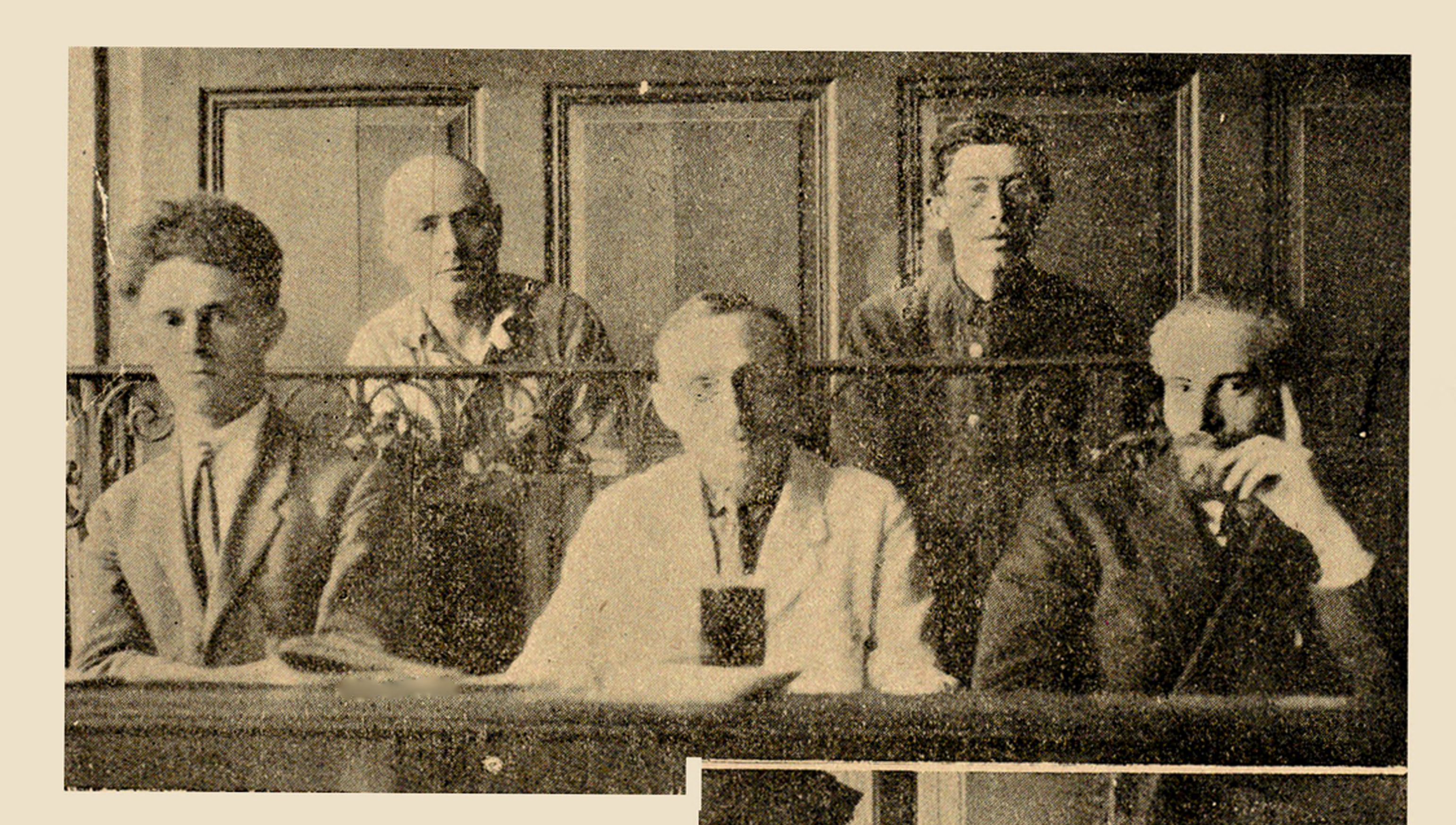
С тех пор семнадцать раз одевалась земля снегом и травою; море воды стекло с горных вершин, много умерло людей, много родилось.

Только проживши, видит человек жизнь свою и редко какой не пожелает пережить ее сначала. Начни Тоська жить сначала, разве бы она отдалась жандарму, нешто бы она сказала тогда Алмазову правду? Все бы могло по иному повернуться. А то...

Осталась Тоська одна в ссылке. Слова было не с кем сказать. Как после бури в море, на ...счатом обломке корабля чувствовала она себя в деревушке сибирской. Возьмет на руки сына и в тайгу уйдет. Вековая ти...шина. Молчит тайга. Только Володька лопочет, сердце Тоськи радуя. Расти скорее—думает она. И легче ссылка переносится. А когда Володька бегать стал, пришла новая партия политических. Книг привезли и новое о жизни рассказывали. Крестьяне помещиков палят, рабочие поднимаются. В городах революция из подполья на улицу вылезает.

— Вы теперь не узнаете рабочих—говорили ей, думая что она старый боевой товарищ. Ч...ей отнеслись с уважением.

ОТГОЛОСКИ ВОССТАНИЯ НЕМЦЕВ-КОЛОНИСТОВ В ОДЕССЕ 1919 г.

Обвиняемые (слева направо):
1. Вильгельм Эбель, 2. Иван Курц.

Защитники (слева направо):
1. Я. М. Кульберг, 2. Д. А. Биньман, 3. Г. Г. Базилевский.

На днях в Одесском губсуде слушалось дело об убийстве восставшими против советской власти немцами-колонистами тов. Мизикевича, бывшего в 1919 г. чрезвычайным советником в гор. Одессе.

Главный обвиняемый Вильгельм Эбель—весьма красочная фигура. Начав службу в советской милиции, он с начала восстания делается начальником штаба повстанцев. Выезжавший для усмирения т. Мизикевич был зверский умертвлен повстанцами.

Несколько свидетелей картины расстрела единогласно опознали в В. Эбеле одного из участников расстрела. С приходом деникинцев, Эбель делается активным работником белой контр-разведки, а с приходом на одессщину Советской власти, немедленно втирается в советскую милицию.

Приговором Губсуда В. Эбель приговорен к расстрелу, замененному по амнистии 10 годами принудительных работ. Другой обвиняемый И. Курц оправдан.

Встряхнулась Тоська. Алмазова вспомнила, когда видела его, как он ночами книги читал. Не пропала школа товарища Алмазова. Из ссылки Тоська вернулась серьезной, начитанной, партийной. Этап оставил ее в большом городе. Ей открыли большую модную мастерскую, по подложному паспорту, а в задних комнатах поставили центральную типографию.

И долго никто не знал, что в модной мастерской Тоськи, варшавской портнихи Пшишевской, шьется рабочая революция.

Днем белым под'езжали к Тоськиной мастерской модницы, а ночью темной, крадучись—рабочие с заводов за прокламациями приходили.

XV.

Прославилась Тоська. О ее художественном вкусе и мастерстве узнала вся „знать". От заказчиц отбоя не было. На средства мастерской держалась вся типография. Жандармы всех шпионов на ноги поставили никакого следа. А по шрифту и печати видели, что типография хорошая работает. Как листьями прокламациями заводы осыпают...

Жандармский полковник Грызлов злится. Его только-что перевели из провинции,—с повышением, в чине полковника; под самым носом генеральские погоны, и вот тебе! Даже с женой ссорится начал. Та пристает все к знаменитой портнихе с нею с'ездить, от „света" отстать не хочет, а у него душа не на месте. На заседании у градоначальнила вопрос категорически поставили: во что-бы то ни стало найти типографию.

И однажды случилось: посетила полковница Грызлова мастерскую Тоськи. Тоська бы и не узнала ее, но та на сына внимание обратила.

— Какой славный мальчик! Это ваш?

— Да, мой.

— Странно...

И тут-же все забыла, выбирая фасон платья. Признать в варшавской портнихе—строгой, красивой и изящно одетой даме—Тоську было трудно.

Так бы, может быть, все и обошлось благополучно, если-бы не дернул черт эту барыню второй раз с мужем приехать.

Холодные, серые глаза жандарма так и вонзились в Тоську. Чутьем учуял, но... виду не подал, что узнал ее. И как нарочно в это время Володя выбежал.

— Мама, мама... и замолчал, увидя жандарма в шинели.

— Вольдемар—обратилась по французски Грызлова—этот хорошенький мальчик,—вылитый ты. Ты не находишь? Посмотри, какой он милый. Славный у вас ребенок, мадам.

Полковник был бледен.

— Я себя плохо чувствую... идемте.

Тоська, конечно, узнала обоих. Надо было спасать типографию...

XVI.

Вернувшись домой, жандармский полковник вызвал к себе помощника и отдал распоряжение: немедленно собрать материал по делу № 5. Он не сомневался, что типография, которую так тщетно искали, находится в модной мастерской.

Через неделю он уже знал, что „в доме Н. под видом портнихи Пшишевской проживает нелегально политическая бывшая ссыльная, Таиса Огнева".

И заметался жандарм по комнате. Тоська в его руках. Он сейчас-же может ее арестовать... Но у нее сын... Милый, милый мальчик...

„Мой он, мой,—я в этом уверен. Она нарочно его держит около себя, чтобы сделать из него революционера. Кровь мою, она обращает против меня. Нет этого я не допущу. Надо спасти сына".

XVII.

За мастерской Тоськи установили особую слежку. Трое шпиков ходили вокруг дома. Тоська перехитрила — типографию увезли в другое место. На завтра должна была уехать и она. И неожиданно... пропал ребенок. Как безумная, бросилась на улицу Тоська.

— Володя, Володя!.. Сын мой...

Ко всем прохожим подбегала, спрашивала: не видели-ли, господа, мальчика? Нет, не видели. И успокаивали: мальчик, очевидно, просто заблудился. Заявите в полицию.

Кинулась туда и у дверей только вспомнила, что она нелегальная.

Все равно: рванулась.

— Сына у меня украли—крикнула Тоська, вбежав в канцелярию.

— Спасите!

Дежурный пристав, облокотившись на стол, спал. Услыхав крик он еле продрал глаза, но не понимал еще в чем дело. Приосанился, только тогда, когда заметил, что дама богато одета.

— Так, что вам угодно?

Плача, Тоська рассказала, что сегодня вечером у нее пропал сын.

Пристав стал писать протокол.

— Адрес... Звание. Имя. Фамилия... Как?

— Пшишевская—тихо произнесла Тоська.

Пристав сразу проснулся, и с ног до головы осмотрел Тоську.

— Простите—сухо сказал он. И подошел к телефону,—Алло! Десять-двадцать. Кто у телефона? Так. Посмотрите в деле 40 фамилию...

— Ага... Что? Так, так. Спасибо.

Так у вас, сударыня, говорите, сын пропал. Не беспокойтесь. Сын ваш найден. А вы вот скажите мне вашу настоящую фамилию.

— Пшишевская.

— Врешь, сволочь!—заорал пристав.—Ты сицилистка. Я тебе тут!.. Эй, городовые!

Тоська упиралась, кричала, кусалась, хотела вырваться, но ее втолкнули в камеру.

— Сын—забилась она.

— Во, назюзилась,—встретили ее проститутки.....

XVIII.

Много вынесла Тоська с тех пор как сына потеряла. Вешнее лицо в осень желтую превратилось. Красива еще была Тоська молода, глаза блеском отливали, как листья осенние в

заходе солнца, а на голове уже снег серебрился. Никогда не переставала думать о сыне. Только и жила, мыслью—найти сына. Знала, что у врагов сын ее. И вырвала-бы, да снова ее жандармы в ссылку отправили. Бежала—поймали. За побег дали каторгу. Снова бежала, и во времени образ сына потускнел в памяти. Одно родимое пятнышко на щеке помнила. Милое пятнышко, зацелованное.. Оно одно довело Тоську до Октябрьской мятели. И когда завьюжила рабочая революция,—все что многие годы оседала в душе Тоськи всколыхнулось мятельным Октябрем. В женских руках браунинг сверкнул. Тоська—революционный солдат. Тоська не знает пощады.

XIX.

Сын Тоськи, потеряв мать, нашел отца. Мать он забыл. Был воспитан отцом, полковником Грызловым, в его духе. В революцию отец был убит.

XX.

Не на шутку разыгралась метель Октября над Россией. Так замело, что ничего не видать. Кто умирал—лежал, кто оставался жив,—брал винтовку. Чашки весов победы переваливались то в ту, то в другую сторону.

И был момент, когда „белые кости“ белых застучали у самых стен революции. Армия революции отступала к Москве. Тоська командовала партизанским отрядом. Родимое пятно толкало ее вперед. В общих врагах она нашла и своего. Красных теснил какой-то полковник Грызлов. Тоська не сомневалась, что это тот, от кого был ее сын. Военный совет реш.. отступить еще дальше, партизанский отряд заявил, что уйдет в тыл белым. Товарищи стали уговаривать Тоську не делать этого, но Тоська была непреклонна и ночью со своим отрядом исчезла.

Прилегли пулеметы в городе. Насторожились трехдюймовки. Черным пятном остался позади город. Больше уже не отступали. В глубоком тылу белых работал партизанский отряд смерти. Про него стали ходить легенды. Он появлялся там, где его меньше всего ожидали. Отряд охотился, охотились и за отрядом. Чтобы осветить противника, свечкой горели по ночам деревни. Выжигалась старая жизнь. Пепелились поля. Одымлялись леса дымом выстрелов. Подбиралась Тоська к самому сердцу своего заклятого врага.

Живьем хотела взять его.

Искала она белых, как бабы грибы в лесу ищут. Захватила кого — суд короткий. Кто из отряда попадал, тоже перед смертью зубами не ляскал, крикнет только „да здравствует революция“! Бывало, слышали крик свои.

Револьвер поднять белые не успеют, как из под земли отряд смерти выростал. Только гикнут, и огоньками в лесу выстрелы загорятся. Выручат своих и исчезнут — дымом.

Сама Тоська только офицеров била. Спросит, как фамилия и со словами „нет не тот“—„шлепает“. Ни один белый офицер слышал о бабе — партизанке. Не многим хотелось встречаться с отрядом смерти. И только молодой „шкуровец“— полковник Грызлов — поклялся поймать Тоську живою.

Полк Грызлова не уступал дерзостью налетов партизанскому отряду смерти. Оба отряда старались уничтожить друг друга.

XXI.

В деревушке глубокого тыла партизанский отряд смерти, соединившись с другим отрядом, заночевали. Бояться было уже нечего. Белые бежали от Москвы к морю. Месть и желание захватить живьем личного врага блекла у Тоськи под влиянием общей радости: враг разбит, враг бежит. И отряд устал. Крепко спали партизаны. После долгой боевой жизни и Тоська легла по людски в постели у попа в доме. Домашняя обстановка стерла осторожность. Сняла Тоська партизанский наряд, в одном белье осталась. Перед сном даже в зеркало на себя взглянула: шея и грудь белые, а лицо бронзовое, обветренное. Но без морщин, не дряблое бабье тело, а девичье, упругое. Во всю жизнь только один раз мужчину познала Тоська, и то это было давно, давно.

Уснула крепко.

И как во сне почудился ей тревожный шум в деревне. Словно волчьи глаза, злые огоньки, в окно с улиц глянули. Знакомый топот ног людских и копыт конских прокатился под окном и затих, точно упал под выстрелом. Крик, стон, брань и гиканье, смешались с выстрелами пулеметов и ружей. Полыхнуло пламя пожара.. и все стало ясно...

Белые!

Тоська вскочила. Одеваться было некогда. Поздно и раздумывать. Уже в дом ворвались. Шарят. Голоса боязливые слышны: „живьем ее взять, живьем!“ Руками впотьмах ручку двери ищут.

Сдвинув брови, с распущенными волосами, в нижней рубашке Тоська посеред комнаты стала. Тяжелый парабеллум, оружие не по женским рукам, дулом в дверь грянул. Грянул выстрел... второй... третий. И зажжужали пули в комнате, будто пчелы ворвались в окно роем и закружились вокруг Тоськи.

И жальнула одна. Рухнуло не обожженное тело партизанки на пол и косы светлые в стену ударились. Все пропало. Ворвались. Фонарями комнату осветили.

— Жива еще... стерва.

Тоська собрала последние силы и открыла глаза. В ее лицо,—лицо красивое, юное, глазами злобы вонзилось.

— Что, сволочь коммунарная, поймала Грызлова!

Близко наклонился, в лицо смотрит. Ужасом ее упивается. Она дрожит. Она не поймет, что это, сон или явь.

— Ближе, ближе—шепчет она.—Наклонись.

— Дрожишь, собака. Не ожидала такого серпа с молотом?

Но Тоська ничего не слышала, она только видела. Она даже пыталась приподняться, чтобы еще лучше разглядеть родимое пятно, но ее толкнули ногой и она снова упала.

—Волоки ее на двор, ребята,—скомандовал Грызлов.

Он, он—думала Тоська, мой сын. Ни ударов, ни боли она уже не чувствовала. Ее волокли за ноги, а он шел сзади. С родимым пятном на щеке. В руках у него был револьвер. Тоська не отрывала от него глаз. Впилась. . . . .

. . . .

Ночь на деревне. Пожар догорал и земля темью покрывалась. Стихало буйство белых. Кто из партизан успел вырваться были далеко, кто остался, был мертв или ждал смерти.

— Ну, довольно,—услышала Тоська все тот же голос;— нечего с ней возыниться. Отходи.

Последний раз мелькнула у партизанки мысль, что это ее родной сын, и ей даже показалось, что она крикнула ему: Володя, сын мой!..

И все стихло. Пожар догорел...

А. Фролов.

МУЗЫКАЛЬНОЕ ОБЩЕСТВО ИМ. ЛЕОНТОВИЧА.

Президиум Музыкального О-ва им. Леонтовича совместно с группой композиторов.

Стоят (слева направо): Верховинец, Козицкий, Л. Ревуцкий, Гринченко, Чапковский, Гайдай, Вериковский, Левицкий.

Сидят (слева направо): Д. Ревуцкий, Радзиевский, Михайлов, Квитка, Качеровский.

Музыкальная Украина всегда была богата и силами, и своей песней. Но силы эти шли в «Просвиты», организации мелко-буржуазные по идеологии своей и консервативные по духу. Октябрьская революция нанесла смертельный удар «просвитянщине» и создала ряд новых музыкальных организаций, служащих делу пропаганды революционного искусства.

Одной из наибольших организаций подобного типа является Музыкальное о-во им. Леонтовича. Общество это, работающее уже четвертый год под непосредственным руководством Главполитпросвета, привлекло в свои ряды лучшие музыкальные силы и проделало большую культурную работу.

Обществом составлен ряд книг: «Музичне мистецтво» и др. Для вовлечения в музыкальную работу пролетарской молодежи о-вом открыты в Киеве две студии.

В области научной, Музыкальное о-во им. Леонтовича разрабатывает вопросы тонального искусства на страницах своего ежемесячника «Музыки» и на публичных музыкальных диспутах. Приступлено, кроме того, к составлению: «Словаря украинской музыкальной терминологии»; организованы музыкально-этнографические экскурсии.

Быстрое развитие музыкальной жизни Советской Украины ставит на очередь вопрос о созыве первого всеукраинского с'езда деятелей музыкальной культуры, где поставлены были бы вопросы: о музыкальном образований, о постановке музыкального просвещения в клубах, сельбудынках и др., о кооперативном нотоиздательстве, об образцовых передвижных хорах и ансамблях и ряд других. С'езд этот будет иметь и огромное организованное значение. В настоящее время связь о-ва с массами незначительна и выражается в избрании культорганизациями музкоров для журнала «Музыка» и в снабжении этих организаций революционной музыкальной литературой.

Идет, кроме того, подготовительная работа к проведению ежегодных «Дней музыки», начиная с осени текущего года.

ЛОЗУНГ ТРЕВОГА.

На жизнь
не будет плакаться.
Упрямый взор рабфаковца
Не ослепить
витринам
Того,
кто быль отринул.
Идут
со ржавленной Москвой,
Сжимаемые улицами,
По жилам лет
текут насквозь
Отчетливыми пульсами.
Не лягут
жилой пластовой —
Не загустеют
коркою,
Но
лавою по мостовой
Подошвы жарко шоркают.
Идет рабфак —
шаги гремят,
Щека
колышет зарево,
От песней пышащих ребят
И камни разговаривают.
Услышь,
услышь булыжный гул,
Движенье весен
вычекань,
Сбивай
на каждом звон-шагу
Отцовскую привычку.
Сменяй,
срывай одежду дней,
Будь громок,
горд
и грозен,
Пускай —
всего тебе родней —
Тревога —
лучший лозунг.
Под шумный,
свежий гвалт ее
Пой,
будущим блестя:
В бой,
Молодая Гвардия
Рабочих и крестьян.

Н. АСЕЕВ.

БЕРЕЗКА.

Она росла, цвела и пела
Шелками взвеянных кудрей:
Теперь — изрубленное тело
В грязи на заводском дворе.

Оскалив стальные зубы,
Электрическая пила,
С визгом и рычаньем грубым
Четвертовала на дрова.

Я вздрогнул зябко в гари жаркой
От мимолетной боли,
Когда швырнули в кочегарку
Отрубленые голени.

Слышу тонкий птичий щебет,
Шелесты живой листвы,
В вечернем и манящем небе
Купаясь вздрагивала ты.

Стыдливо влажные ресницы,
Вспыхнув опустила ниц.
Когда они, иль птица с птицей
Как две звезды стремились слиться.

Ласкаю жаркою щекою
Берестовый пушок,
Продымленной рукою
И влюбленной душой.

Из топки пахучие струи —
Росной рощею дышу.
Всплескивают поцелуи
Сквозь пламелиственный шум.

Перелился в скрытый пламень
Березовый сок
И расцвел почными цветами
В медных жилах ток.

Я обожженный и грубый,
Как этот уголь черствый,
Целую нежно губы
Моей невесты мертвой.

МИХ. ГЕРАСИМОВ.

из поэмы

„КОММУНАРКА".

Мы не встречались долго, долго,
И однажды в Губкоме в здании
Мне сказали, что вон та комсомолка
Имеет орден Красного Знамени.

Я узнал тебя, русая головка,
И твои серые, как снаряд глазки.
Но какая ты в этой обстановке
Мягкая и ласковая.

Даже румянец исчез — бледная,
И между бровей складка.
Да, мы не виделись годы, наверно,
Прошлое у нас не гладко.

У тебя и у меня раны,
А на нервах печать революции.
Мы с тобой ветераны
Дней в истории наилучших.

В жуть и темень опасную
Ждать не желали более:
Кровью своей перекрасили
Долгие ночи в зори.

В наших мозгах и мускулах
Нет еще усталости.
И пусть за плечами юность
Под Перекопом осталась.—

Нам не жалеть о прошлом;
Мы, ведь, из самой гущи.
Старое с плечь сброшено.
Идем в Грядущее!

А. СОРОКИН.

СТАРЫЕ ЗНАКОМЦЫ.

Рассказ Мориса Амеля.

Ночь уже наступила, когда старый Селестин Маго достиг, наконец, деревни. По пути он зашел в первый попавшийся постоялый двор и там, не забывая чокнуться то с тем, то с другим, навел все нужные справки. Сделав это, он совершенно успокоился: „хорошее дельце" ждало его в доме некоего Луи Перро, владевшего небольшой усадьбой на вершине косогора; ходили слухи, что этот Луи Перро богат.

В трактире Селестин очутился в компании трех подгулявших парней. Они с удовольствием попивали жидкое винцо, которое им подавала грудастая, разбитная служанка, хохотавшая, словно от щекотки, льстивым смехом, всякий раз, как кто нибудь из парней отпускал ей грубую шутку.

Чтобы придать себе уверенности в предстоящем деле, Селестин тоже спросил стаканчик.

Да, к сегоднешнему наступлению он теперь чувствовал себя совершенно готовым. Ноги его размялись от долгой ходьбы по нагретой солнцем дороге, а эта остановка в трактире, чад алкоголя и шум возбужденных разговоров сильно подстегнули воображение.

В то время, как парни забавлялись, рассказывая друг другу смешные истории, Селестин неотрывно думал о том, что предстоит ему совершить, и глаза его, острые и блестящие на обʼеденном колючей бородой лице, горели вожделением и алчностью.

Селестину без малого шестьдесят. Он крепкого сложения. У него суровое, безобразное лицо, тяжелая походка и мрачные ухватки человека, который издавна привык жить воровством, злодеяниями и всякими гнусными авантюрами.

У него нет ни дома, ни семьи, ни друзей.

Уже больше тридцати лет ведет он эту ужасную жизнь. Он несколько лет отсидел в тюрьме, но постигшие его наказания не оплатили и четверти его преступлений: он слишком ловок и смел при выполнении своих налетов, и в большинстве случаев неподражаемо умеет ускользнуть от полицейских розысков.

Самым крупным делом Селестина было ограбление ювелирного магазина в сообщничестве с таким же, как и он, мошенником по прозвищу Виктор. Ни одного из преступников так не удалось словить. Но, все же, конец этой истории был очень грустен для Селестина, который,—только что перед этим проявив себя, как одного из самых дерзких грабил,—вдруг сам признался достойной жалости жертвой. До сих пор краска гнева сде

и стыда бросается ему в лицо и дрожь пробегает по спине при мысли об этом несчастьи.

Ах, чорт возьми!.. Как вы думаете,—веселенькая штучка, старому профессиональному вору, хитрому и отважному, сделаться игрушкой в руках одного из себе подобных?!..

Однако, случай с Селестином был именно таков. Виктор забрал один всю добычу грабежа, все эти пышные ларцы с потоком драгоценных камней, с жемчужными колье и бриллиантовыми ожерельями, и скрылся. Селестин остался один, нищий как прежде, с ужасом перед жандармами—в душе и с мрачно звеневшими воровскими инструментами—в кармане. Долго приходилось Селестину скрываться, притворяться, переодеваться и спасаться бегством, чтобы ускользнуть от кары, которая грозила ему наравне с вероломным сообщником, хотя, в сущности, единственным преступником надо было бы считать Виктора: ведь он один воспользовался всеми богатыми плодами сенсационного ограбления.

Ах! Только бы Селестину удалось встретить этого Виктора, все равно где: в пустынном уголке леса, на глухой уличке или в какой нибудь подозрительной кофейне, где он, верно, растрачивает на грязные кутежи так легко доставшееся ему кругленькое состояние! При одной мысли об этой встрече Селестин сжимал огромные кулаки и, про себя, молча,—давал волю бессильной, в течение пятнадцати лет копившейся, ненависти, смакуя будущую свою, свирепую и смертельную, месть.

— Бандит!.. Мерзавец!.. Гниль!.. Только попадись мне теперь!..

* * *

Дом Луи Перро стоял на вершине пригорка, утопая в разросшейся кругом листве.

Луи Перро появился в деревне всего лет пять назад и никто хорошенько не знал, откуда он. С ним жила женщина его лет, которая, как говорили, была больна ужасной болезнью и неизбежно должна была скоро умереть.

Женщина эта исполняла раньше в доме обязанности экономки и единственной прислуги, но, с недавних пор, когда недуг окончательно приковал ее к постели, она уже ни о чем не могла заботиться. Несмотря на свои семьдесят лет, Луи Перро сам теперь справлял все работы по дому.

— Ну!—сказал себе Селестин, разглядев силуэт дома, в котором ему нынче предстояло применить свои таланты,—если дело удастся, на этот раз я завладею всем один. Все богатство будет принадлежать только мне и я смогу пользоваться им до конца моих дней. И даю слово!—а слово Селестина тоже что-нибудь да значит,—это будет мое последнее дело!.. Но... осторожность и осторожность. Не нужно зарываться. Действовать нужно без промаха!..

Дойдя до решетки сада, Селестин услыхал возню и лай собаки, сторожившей дом. Он вытащил из кармана кусок отравленной говядины и швырнул через решетку.

Собака была, очевидно, голодна. Она жадно набросилась на мясо и сожрала его в одно мгновенье. Но, через несколько секунд, собака как-то вдруг осела, издавая жалобные крики а потом бешено начала кататься по траве, снедаемая ядом. Наконец движения бедного животного стали медленнее, судорожнее, и вот оно вытянулось совершенно неподвижно, уткнувшись носом в траву.

Селестин бессмысленно и свирепо ухмыльнулся в жесткую бороду и, выпучив глаза и сжав кулаки, как бы для последнего усилия, ворвался в никем теперь не охраняемую калитку и очутился в саду.

Ночная свежесть ласкала листву. Чистый воздух широкими, душистыми волнами струился над уснувшей землей.

Селестин внезапно ощутил какую-то приподнятость, какую-то блаженную безопасность, словно ночь, с ее покоем и красотой, решила вдруг сделаться молчаливой, но благоволящей покровительницей его дурного дела.

Ведь у воров тоже иногда душа становится своеобразно нежной, особенно когда красота вещей является как бы сотрудничать с ними при выполнении их планов и окутывает их тревогу неожиданным своим величием.

Селестин дошел до главного входа, проломил запор, ловко терпеливо и методично снял крюки, и очутился в холодном

РАБОЧИЕ В ПОДШЕФНОМ СЕЛЕ.

Майское воскресенье. Но совсем не майский зной. Душный вагон пригородной железной дороги мчит ячейку и рабочих типографии „Коммунист“ в подшефное село Казачья-Лопань.

Все несколько утомлены жарой и теснотой в вагоне, но веселы и полны желанием помочь отсталой деревне тем, что имеют и знают.

Проносятся зеленые нивы, сочные луга, скот, выпущенный из овинов на свежее пастбище.

На каждой станции разбрасываются тучи листовок, говорящих селянину, что рабочий его не забывает и всегда с ним.

Станция Казачья-Лопань На вокзале выстроились встречающие радостные, празднично одетые и настроенные селяне. Крепкая нить связывает всех, шефов и подшефных, рабочих от верстатки и селян от сохи, нить, которую никакая сила в мире не может разорвать. Из столицы Украины, из культурного центра трудовой советской страны, несут рабочие в деревню знанье.

1) На вокзале выстроились встречающие празднично одетые селяне.
2) Лицо деда выражало умиление и светлую радость.

Охваченные страстным желанием учиться, учиться, учиться, селяне жадным огоньком в глазах осматривают привезенные книги, газеты, журналы и пачки литературы.

В этот день городская ячейка должна была заседать совместно с сельской. Горожане своим опытом помогли разобраться сельским товарищам во всех трудных вопросах.

В течение остального времени шефов можно было видеть, проводящих, то беседу с селянами о кооперации, то митинг с новобранцами.

Новобранцы села Казачья-Лопань должны были на утро уйти в Красную армию. На лицах ни тени грусти, тоски по родному дому. Вот они кучкой сгруппировались вокруг одного из городских товарищей и беседуют: что такое Красная армия, чему там учат, как там живется красноармейцу. Много вопросов, много неясностей. Весь этот туман в голове у них рассеется там в полку, роте. за уроками политграмоты. Сегодня они еще—невспаханное поле, завтра—сознательные воины и защитники трудовых нив и городов; новобранцы прощаются с девушками села, проводя „вечерницю“.

На обратном пути к станции внимание привлекает старик-незаможник, седой, как лунь, который, стоя, опирается на свою палку и кажется издали цаплей, стоящей на одной ноге.

Вот они кучкой сгруппировались вокруг одного из городских товарищей и беседуют.

Все лицо деда выражает умиление и светлую радость. На старости лет ему пришлось увидеть нечто такое, чего он на заре своей жизни и в зрелом возрасте не видал. Городские рабочие приезжали в село, для того, чтобы раз'яснить им. темным селянам, то или иное постановление Советской власти. Он видел, как оживлялись селяне при приезде шефов, с какой теплотой и искренностью они встречали рабочих и, как все больше и больше углублялась смычка между городом и деревней, между рабочим и крестьянином, смычка, которую завещал Владимир Ильич.

Ш.

ЗАБАСТОВКА АРТЕЛИ.

Забастовка об,явлена.

Для того, чтобы изучить состав воды—совсем не нужно целое море. Достаточно взять для исследования одну каплю. Такой каплей, в которой мы увидели всю сущность эксплоатации, которая таится в расплодившихся теперь „артелях ответственного труда“, явилась эта самая маленькая забастовка.

Четыре сотрудника одной из таких артелей шесть месяцев добивались заключения коллективного договора с правлением артели, — но безуспешно.

Ни настояния служащих, ни напоминания союза совработников не действовали на правление, косо поглядывавшее на „этих, чорт их возьми, членов союза“.

Пришлось перейти к методу „прямого действия“. Четверо об'явили забастовку до полного удовлетворения всех требований—заключения колдоговора.

Бастовали три дня. И, кто его знает, окончилась ли бы забастовка эта победой четырех, если бы не принял в ней участия союз?

А теперь—колдоговор заключен: 19 рублей на единицу 1-го разряда, отчисления, страховки у проч.

Да и, кроме того, как в басне, дело закончилось поучительной моралью: гнойник этих „артелей“ был вскрыт—председатель правления совместительствовал, служа одновременно в Н.К. Р.К.И. в отделе по улучшению госаппарата.

— Скрывал, значит, совместительство и... незаконно состоял членом союза, будучи членом артели.

Из союза он теперь исключен, и, кроме того, губотдел возбудил ходатайство о снятии его с работы в Н.К. Р.К.И. с преданием суду.

вестибюле. Отсюда он ощупью начал взбираться по лестнице в первый этаж, где, по собранным им сведениям, находилась спальня рантье. Селестину почудился внезапно какой-то легкий шум и, потому, он даже немного задыхался, открывая первую осторожно нащупанную дверь.

Комната, куда он вошел, была слабо освещена луной; комната была довольно широкая, и острый взгляд Селестина угадывал в различных ее местах неясные контуры книжного шкафа, бюро, кушетки.

Селестин немедленно принялся нащупывать бюро,—здесь то и должны находиться давно чаемые богатства,—и уже собирался в молчании ночи приступить к привычной работе.

* * *

Вдруг, донесшийся откуда-то шум парализовал руку Селестина. Кто-то кашлял всего в нескольких шагах от него. Кто-то вошел, какая то тень загородила дверь.

Селестин ждал, весь подобравшись, готовый броситься, прыгнуть, может-быть убить.

Дверь скрипнула сильнее. Сноп электрического света ударил в лицо Селестину и Селестин увидел перед собою высокого, бледного старика, который направлял на него дуло револьвера.

— Ни с места!—сказал старик, приближаясь к Селестину.— Ни с места, или я вас убью!.. Кто вы? Откуда вы явились?

Оба с любопытством и страхом уставились друг на друга.

Селестин уже открыл рот для ответа, но, вдруг, высокий старик удивленно вскрикнул, опустил руку, державшую револьвер и, затем, разразился холодным смехом.

— Ах!.. Скажите пожалуйста!.. Да никак это ты, Селестин?—сказал он наконец.

Виктор?!.—прорычал Селестин.—Это уж слишком!..

— Так вот как?!. Значит ты пришел меня ограбить?

— Ну да,—сказал Селестин,—это ведь мое ремесло. Но ты то!.. Ты, как видится, „перекрасился“, благодаря делу с ювелирным магазином... В добрый час!.. Только, между нами говоря, ты-таки порядочное рыло...

Виктор на минуту задумался. Потом, пристально взглянув на Селестина, заявил:

— Не нужно ругаться. Это бесполезно. Надо решать, как теперь выгоднее всего поступить. Ведь если я тебя отпущу, ты меня продашь. Лучше уж я тебя пристрелю, как собаку. Что ты об этом думаешь!..

— Ты шутишь,—засмеялся Селестин.—Стоить марать руки таким бревном, как я. Позволь мне мило и потихоньку удалиться и я обещаю, что „*не открою*“. Я тебе это обещаю.

— А ну, погляди на меня хорошенько,—сказал Виктор.— Разве я из таких, кого можно уговорить... Впрочем... если ты хочешь...

— Если я хочу?..

— Если хочешь, я могу тебя оставить у себя. Моя старая экономка умирает от рака, ей осталось жить всего несколько дней. Ты мне ее заменишь. Место хорошее: кров, пища и пятьдесят франков карманных денег. Ну, а если вздумаешь жениться, то уж, конечно, никто другой, как я, подарит тебе в память „ювелирного дела“ обручальное кольцо.

И Виктор протянул свой револьвер Селестину, который уже успокоенный, сзубоскалил:

— Так чего же это я труса-то праздную, хозяин?!.

Перев. В. ИЛЬИНА.

и стыда бросается ему в лицо и дрожь пробегает по спине при мысли об этом несчастьи.

Ах, чорт возьми!.. Как вы думаете,—веселенькая штучка, старому профессиональному вору, хитрому и отважному, сделаться игрушкой в руках одного из себе подобных?!..

Однако, случай е Селестином был именно таков. Виктор забрал один всю добычу грабежа, все эти пышные ларцы с потоком драгоценных камней, с жемчужными колье и бриллиантовыми ожерельями, и скрылся. Селестин остался один, нищий как прежде, с ужасом перед жандармами—в душе и с мрачно звеневшими воровскими инструментами—в кармане. Долго приходилось Селестину скрываться, притворяться, переодеваться и спасаться бегством, чтобы ускользнуть от кары, которая грозила ему наравне с вероломным сообщником, хотя, в сущности, единственным преступником надо было бы считать Виктора: ведь он один воспользовался всеми богатыми плодами сенсационного ограбления.

Ах! Только бы Селестину удалось встретить этого Виктора, все равно где: в пустынном уголке леса, на глухой уличке или в какой нибудь подозрительной кофейне, где он, верно, растрачивает на грязные кутежи так легко доставшееся ему кругленькое состояние!. При одной мысли об этой встрече Селестин сжимал огромные кулаки и, про себя, молча,—давал волю бессильной, в течение пятнадцати лет копившейся, ненависти, смакуя будущую свою, свирепую и смертельную, месть.

— Бандит!.. Мерзавец!.. Гниль!.. Только попадись мне теперь!..

* * *

Дом Луи Перро стоял на вершине пригорка, утопая в разросшейся кругом листве.

Луи Перро появился в деревне всего лет пять назад и никто хорошенько не знал, откуда он. С ним жила женщина его лет, которая, как говорили, была больна ужасной болезнью и неизбежно должна была скоро умереть.

Женщина эта исполняла раньше в доме обязанности экономки и единственной прислуги, но, с недавних пор, когда недуг окончательно приковал ее к постели, она уже ни о чем не могла заботиться. Несмотря на свои семьдесят лет, Луи Перро сам теперь справлял все работы по дому.

— Ну!—сказал себе Селестин, разглядев силуэт дома, в котором ему нынче предстояло применить свои таланты,—если дело удастся, на этот раз я завладею всем один. Все богатство будет принадлежать только мне и я смогу пользоваться им до конца моих дней. И даю слово!—а слово Селестина тоже что-нибудь да значит,—это будет мое последнее дело!.. Но... осторожность и осторожность. Не нужно зарываться. Действовать нужно без промаха!..

Дойдя до решетки сада, Селестин услыхал возню и лай собаки, сторожившей дом. Он вытащил из кармана кусок отравленной говядины и швырнул через решетку.

Собака была, очевидно, голодна. Она жадно набросилась на мясо и сожрала его в одно мгновенье. Но, через несколько секунд, собака как-то вдруг осела, издавая жалобные крики а потом бешено начала кататься по траве, снедаемая ядом. Наконец движения бедного животного стали медленнее, судорожнее, и вот оно вытянулось совершенно неподвижно, уткнувшись носом в траву.

Селестин бессмысленно и свирепо ухмыльнулся в жесткую бороду и, выпучив глаза и сжав кулаки, как бы для последнего усилия, ворвался в никем теперь не охраняемую калитку и очутился в саду.

Ночная свежесть ласкала листву. Чистый воздух широкими, душистыми волнами струился над уснувшей землей.

Селестин внезапно ощутил какую-то приподнятость, какую-то блаженную безопасность, словно ночь, с ее покоем и красотой, решила вдруг сделаться молчаливой, но благоволящей покровительницей его дурного дела.

Ведь у воров тоже иногда душа становится своеобразно нежной, особенно когда красота вещей является как бы сотрудничать с ними при выполнении их планов и окутывает их тревогу неожиданным своим величием.

Селестин дошел до главного входа, проломил запор, ловко терпеливо и методично снял крюки, и очутился в холодном

РАБОЧИЕ В ПОДШЕФНОМ СЕЛЕ.

Майское воскресенье. Но совсем не майский зной. Душный вагон пригородной железной дороги мчит ячейку и рабочих типографии „Коммунист" в подшефное село Казачья-Лопань.

Все несколько утомлены жарой и теснотой в вагоне, но веселы и полны желанием помочь отсталой деревне тем, что имеют и знают.

Проносятся зеленые нивы, сочные луга, скот, выпущенный из овинов на свежее пастбище.

На каждой станции разбрасываются тучи листовок, говорящих селянину, что рабочий его не забывает и всегда с ним.

Станция Казачья-Лопань. На вокзале выстроились встречающие радостные, празднично одетые и настроенные селяне. Крепкая нить связывает всех, шефов и подшефных, рабочих от верстатки и селян от сохи, нить, которую никакая сила в мире не может разорвать. Из столицы Украины, из культурного центра трудовой советской страны, несут рабочие в деревню знанье.

1) На вокзале выстроились встречающие празднично одетые селяне.
2) Лицо деда выражало умиление и светлую радость.

Охваченные страстным желанием учиться, учиться, учиться, селяне жадным огоньком в глазах осматривают привезенные книги, газеты, журналы и пачки литературы.

В этот день городская ячейка должна была заседать совместно с сельской. Горожане своим опытом помогли разобраться сельским товарищам во всех трудных вопросах.

В течение остального времени шефов можно было видеть, проводящих, то беседу с селянами о кооперации, то митинг с новобранцами.

Новобранцы села Казачья-Лопань должны были на утро уйти в Красную армию. На лицах ни тени грусти, тоски по родному дому. Вот они кучкой сгруппировались вокруг одного из городских товарищей и беседуют: что такое Красная армия, чему там учат, как там живется красноармейцу. Много вопросов, много неясностей. Весь этот туман в голове у них рассеется там в полку, роте. за уроками политграмоты. Сегодня они еще—невспаханное поле, завтра—сознательные воины и защитники трудовых нив и городов; новобранцы прощаются с девушками села, проводя „вечерницю".

На обратном пути к станции внимание привлекает старик-незаможник, седой, как лунь, который, стоя, опирается на свою палку и кажется издали цаплей, стоящей на одной ноге.

Все лицо деда выражает умиление и светлую радость. На старости лет ему пришлось увидеть нечто такое, чего он на заре своей жизни и в зрелом возрасте не видал. Городские рабочие приезжали в село, для того, чтобы раз'яснить им. темным селянам, то или иное постановление Советской власти. Он видел, как оживлялись селяне при приезде шефов, с какой теплотой и искренностью они встречали рабочих и, как все больше и больше углублялась смычка между городом и деревней, между рабочим и крестьянином, смычка, которую завещал Владимир Ильич.

Ш.

Вот они кучкой сгруппировались вокруг одного из городских товарищей и беседуют.

Новый документ о В. И. Ленине.

Здесь мы помещаем документ департамента полиции, в котором последний пытается дать освещение происходившей в период 1911 года борьбы между большевиками и меньшевиками. Опубликовывая этот циркуляр, мы отнюдь не полагаем рекомендовать его нашим читателям, как материал, дающий действительное освещение этой борьбы. Мы в данном случае имеем в виду предоставить нашим читателям возможность ознакомиться с одним из образчиков деятельности охранки.

В Лубенском Райпарткоме 6 апреля 1922 г. шла подготовка к V партконференции, а вся Советская страна готовилась к 11 партс'езду. К конференции решено было устроить небольшую партийную выставку. К организации выставки отнеслись все с большим вниманием.

Организация выставки—дело новое и интересное. На выставке участвовали парторганизация, профсоюзы, политпросвет, кооперация и земотдел—все несли свои экспонаты и спешили показать достижения в своих областях. В числе экспонатов на выставку попали от товарищей «секретные» циркуляры царской охранки; часть этих «циркуляров» сдана была автору этих строк секретарем лубянского Укома. Этот ценный материал поступил в партийный отдел выставки и в то время возбуждал большой интерес среди посетителей выставки—рабочих, крестьян, красноармейцев и курсантов.

Передавая этот документ редакции журнала «Пламя», я рад, что этот материал станет доступным широким партийным и рабоче-крестьянским массам.

Пусть на этих примерах борьбы учатся молодые члены партии, ленинский набор и комсомольцы.

Н. Мешков.

М.В.Д.

ДЕПАРТАМЕНТЪ ПОЛИЦІИ.

Секретно.

Циркулярно.

Начальникамъ Губернскихъ Жандармскихъ Управленій, Охранныхъ Отдѣленій, Жандармскихъ Полицейскихъ Управленій желѣзныхъ дорогъ, Жандармскимъ офицерамъ на пограничныхъ пунктахъ и Помощникамъ Начальниковъ Губернскихъ Жандармскихъ Управленій, имѣющимъ канцелярію внѣ мѣстонахожденія Начальника Управленія.-

....

Въ Департаментъ Полиціи получены свѣдѣнія о томъ, что продолжающаяся междуфракціонная борьба въ Россійской соціалъ-демократической рабочей партіи ознаменовалась въ настоящее время новымъ рѣшительнымъ шагомъ представителя центра партіи Л е н и н а, заключающимся въ раскассированіи Заграничнаго Бюро Центральнаго Комитета Россійской соціалъ-демократической рабочей партіи и въ захватѣ находящихся въ распоряженіи послѣдняго денегъ.

Причины, послужившія основаніемъ къ совершенію этого шага заключаются въ слѣдующемъ:

Какъ извѣстно изъ циркуляра Департамента Полиціи отъ 8 Февраля 1911 года за № 98552, Заграничное Бюро Центральнаго Комитета Россійской соціалъ-демократической рабочей партіи (по своему составу меньшевистскаго направленія), разсматривая вопросъ о созывѣ пленарнаго засѣданія Центральнаго Комитета партіи, высказалось большинствомъ противъ созыва подобнаго засѣданія.

Независимо отъ сего Заграничное Бюро выразило протестъ противъ прекращенія выдачи субсидіи издаваемой въ Вѣнѣ Т р о ц к и м ъ газетѣ "Правда", вопреки состоявшагося постановленія по сему предмету пленарнаго засѣданія Центральнаго Комитета Россійской соціалъ-демократической рабочей партіи въ Январѣ 1910 года (циркуляръ Департамента Полиціи отъ 20 Февраля 1910 года за № 106547).

Между тѣмъ, еще до этого засѣданія Заграничнаго Бюро, Ленинъ отъ лица большевиковъ заявилъ, что, если Заграничное Бюро приметъ рѣшеніе противъ созыва пленума, то это рѣшеніе повлечетъ за собою прекращеніе выдачи жалованья членамъ Заграничнаго Бюро и выдачи субсидіи на расходы Бюро и такимъ образомъ большевики станутъ полными хозяевами партійныхъ денежныхъ суммъ.

Въ виду принятаго Заграничнымъ Бюро рѣшенія, отклоняющаго созывъ имъ пленума, представитель большевиковъ въ Заграничномъ Бюро докторъ С ѣ м а ш к о (Александровъ) прислалъ въ Заграничное Бюро заявленіе, что "рѣшеніе Заграничнаго Бюро по вопросу о пленумѣ антипартійно и, потому, считая все направленіе работы Заграничнаго Бюро направленнымъ противъ Россійской соціалъ-демократической рабочей партіи, большевики считаютъ настоящее Заграничное Бюро учрежденіемъ, не только не выполняющимъ свои задачи, но больше того противящимся здоровой дѣятельности партіи, на основаніи чего не признаютъ за настоящимъ Заграничнымъ Бюро Центральнаго Комитета никакихъ правъ и къ нему, какъ самъ докторъ Сѣмашко, такъ и вообще большевики, никакого отношенія не имѣютъ". Кромѣ сего Сѣмашко вышелъ изъ состава Бюро и захватилъ съ собою кассу Заграничнаго Бюро со всею денежною наличностью.

Одновременно съ этимъ заявленіемъ послѣдовало прекращеніе выдачи жалованья членамъ Заграничнаго Бюро.

Получивъ приведенное заявленіе Сѣмашко-Александрова, Заграничное Бюро устроило собраніе, на которое однако большевики не явились, а также не присутствовалъ и представитель отъ Соціалъ-Демократіи Царства Польскаго и Литвы С т а н и с л а в с к і й (жена доктора Гольденборга), объяснивъ свое отсутствіе тѣмъ, что на ея мѣсто назначенъ другой представитель Т ы ш к о (настоящая фамилія І о г и х е съ, членъ Главнаго Правленія Соціалъ-Демократіи Царства Польскаго и Литвы); тѣмъ не менѣе собраніе Заграничнаго Бюро состоялось и прочитанное

на засѣданіи заявленіе Сѣмашко, подкрѣпленное прекращеніемъ выдачи жалованья, вызвало бурю въ рядахъ партіи.

Вслѣдъ за симъ находящимися за границей большевиками было созвано по тому-же поводу собраніе Заграничныхъ Членовъ Центральнаго Комитета, на которое, однако, не явились большевики и поляки; большевики мотивировали свое отсутствіе тѣмъ, что новый представитель партіи Соціалъ-Демократіи Королевства Польскаго и Литвы Тышко еще не пріѣхалъ, дѣйствительная-же причина отсутствія большевиковъ и поляковъ заключалась въ томъ, что послѣдніе еще не успѣли сговориться относительно общихъ дѣйствій.

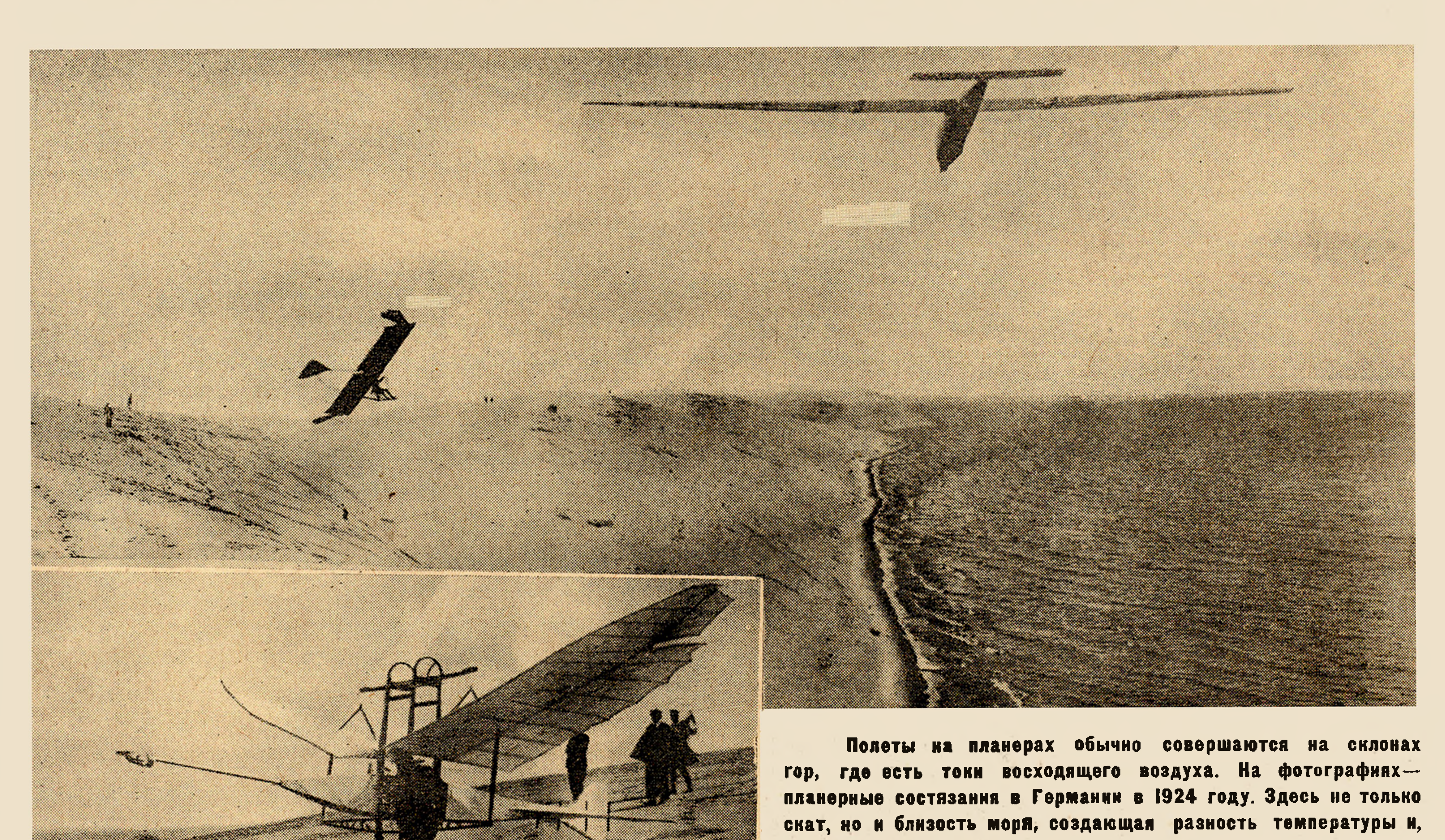
Въ то-же время, находящіеся въ Парижѣ члены расширеннаго Центральнаго Комитета Россійской соціалъ-демократической рабочей партіи были экстренно созваны большевиками для разсмотрѣнія вопроса о конфликтѣ съ Заграничнымъ Бюро; цѣль созыва этого собранія заключалась въ намѣреніи превратить это засѣданіе въ пленумъ [illegible] понудить собраніе [illegible] зать мнѣніе о необходимости немедленнаго созыва пленума и создать временное учрежденіе, замѣняющее Заграничное Бюро.

Въ началѣ засѣданія представитель меньшевиковъ И г о р е въ поставилъ вопросъ, считаетъ-ли засѣданіе ненарушимыми партійныя учрежденія, существующія на основаніи рѣшенія съѣздовъ и послѣднихъ пленарныхъ засѣданій, бывшихъ въ Январѣ 1910 года. [illegible] какъ участники совѣщанія въ большинствѣ стремились во-[illegible]

конференціи. Рѣшеніе это принято на томъ основаніи, что, превратившись въ организаціонную комиссію для созыва конференціи [illegible]

[illegible]

УСПЕХИ БЕЗМОТОРНОЙ АВИАЦИИ.

Полеты на планерах обычно совершаются на склонах гор, где есть токи восходящего воздуха. На фотографиях—планерные состязания в Германии в 1924 году. Здесь не только скат, но и близость моря, создающая разность температуры и, следовательно, движение воздуха.

Внизу—новый тип планера, орнитоптер, подымающийся с земли посредством взмаха крыльев. Опыты с этим орнитоптером пока не увенчались успехом.

Наверху Шульц во время своего мирового рекордного полета.

Приблизить авиацию к массам.

Мы завоевали воздух. Сегодня летать почти так же безопасно, как и ехать по железной дороге. Вспомним что боевой самолет Хавеланд или пассажирский Юнкерс стоит около 35.000 рублей, — что 200–400 сильные моторы поглощают громадное количество горючего, что один час полета в среднем стоит около 18 червонцев (по вычеслениям Добролета),—и мы увидим, что авиация еще не доступна широким массам.

Для того, чтобы приблизить авиацию к массам, необходимо удешевить ее, уменьшить мощность моторов (ведь летали же раньше при 15—25 сильных моторах) и перейти на более дешевое горючее. И вот за границей уже строятся аэропланы с моторами в 6—18, и даже в $3^1/_2$ силы (самолет Врен). Но для того, чтобы сделать это, надо научиться

ЛЕТАТЬ НА КРЫЛЬЯХ, А НЕ НА МОТОРЕ.

Надо научиться летать совсем без мотора, тем более, что ведь аэроплан родился от планера, на который поставили мотор.

Хорошие стороны Версальского договора.

Большой толчек планеризму, основанному на изучении полета птиц дал,—как это ни странно,—Версальский договор. Согласно Версальскому договору разоруженная Германия была лишена возможности беспрепятственно развивать авиацию. Поэтому понятно с каким интересом она устремилась к развитию планерного спорта.

Осенью 20-го года на первом Всегерманском планерном состязании, на котором записалось 25 планеров различных конструкций, летчик Клемнерер продержался в воздухе 2 минуты 22 секунды.

Состязания 21 года привлекли уже 45 различных планеров и наибольший полет длился 5 минут 33 секунды.

В 22 году на состязаниях, где записалось уже 53 аппарата, был поставлен новый рекорд—3 часа 10 минут.

8 часов 48 минут в воздухе без мотора.

С этого времени чуть ли не каждая неделя начала приносить новые рекорды. Стали уже возможны полеты на планерах с пассажирами; наглядное доказательство полного завоевания воздуха.

Планерные кружки росли по всей стране. Профессиональные летчики и учащиеся, инженеры и учителя—таков разношерстый состав этих кружков. И вот недели две назад телеграф принес известие о новом рекорде поставленном учителем Шульце — 8 часов 48 минут без спуска.

Интересно, что весь аппарат Шульце построен им самим, на собственные средства, чуть ли не из щепок. Поэтому в свое время он не был допущен к Ренским состязаниям, так как жюри предполагало, что такой [illegible]устарный аппарат вряд ли полетит, [illegible]ли подымется на воздух, то сейча[illegible]азвалится.

Во Франции и в других странах также возникло увлечение планеризмом, потому что это не только спорт, но и возможность изучать полеты, подойти к постройке маленьких мотоциклов-аэропланов, популяризовать авиацию, сделать ее общедоступной.

Планеры в С. С. С. Р.

Первый планерный кружок был организован в Москве в 21 г. Уже в 23 году в Феодосии был произведен первый экзамен молодому планеризму. На Всесоюзное испытание было привезено 10 планеров, причем то, что на западе достигали в результате многих, многих лет, мы проделали в течение кратчайшего времени—уже здесь была достигнута продолжительность полета в 1 час. 2 мин. 30 сек. (Юнгмейстер).

Прошел еще один год,—и вот вряд-ли и есть в Союзе большой город, где бы не было планерного кружка, где молодежь, рабочие не строили бы своими силами планера.

В „Пламени“ уже были напечатаны снимки планера школы фабзавуча при заводе имени т. Петровского в Екатеринославе. Теперь в одном Харькове строятся одновременно два аппарата, в Полтаве построено три планера, идет постройка планера в Одессе и т. д.

Рабочие Украины не только жертвуют на воздухофлот,—они активно принимают участие в усилении воздушной мощи страны, в изучении летного дела, в овладении воздухом.

ИЗМ.

„ГРЯЗЕВИКИ“ ПО КУРОРТАМ УКРАИНЫ

Одесский курорт им. Х. Г. Раковского.

1.

Они приехали сюда из всероссийской кочегарки Донбасса, брянских литейных заводов в Екатеринославе, харьковских типографий, таганрогских кожзаводов, новгородских текстильных фабрик.

Ноги дрожат, как осенние листья, ломятся пальцы, будто хрящем перегибает. Синие, вздутые жилы, болезненно налиты. Заскорузлые лица. Десятки лет на производстве, они впитывали в свои чахлые груди угольную пыль и свинцовый налет, мочили ноги в зольных отравах и падали в изнеможении от работы.

Теперь есть кому позаботиться о них: завком, профсоюз, соцстрах. Снарядили в дорогу и проводили их сюда на грязи.

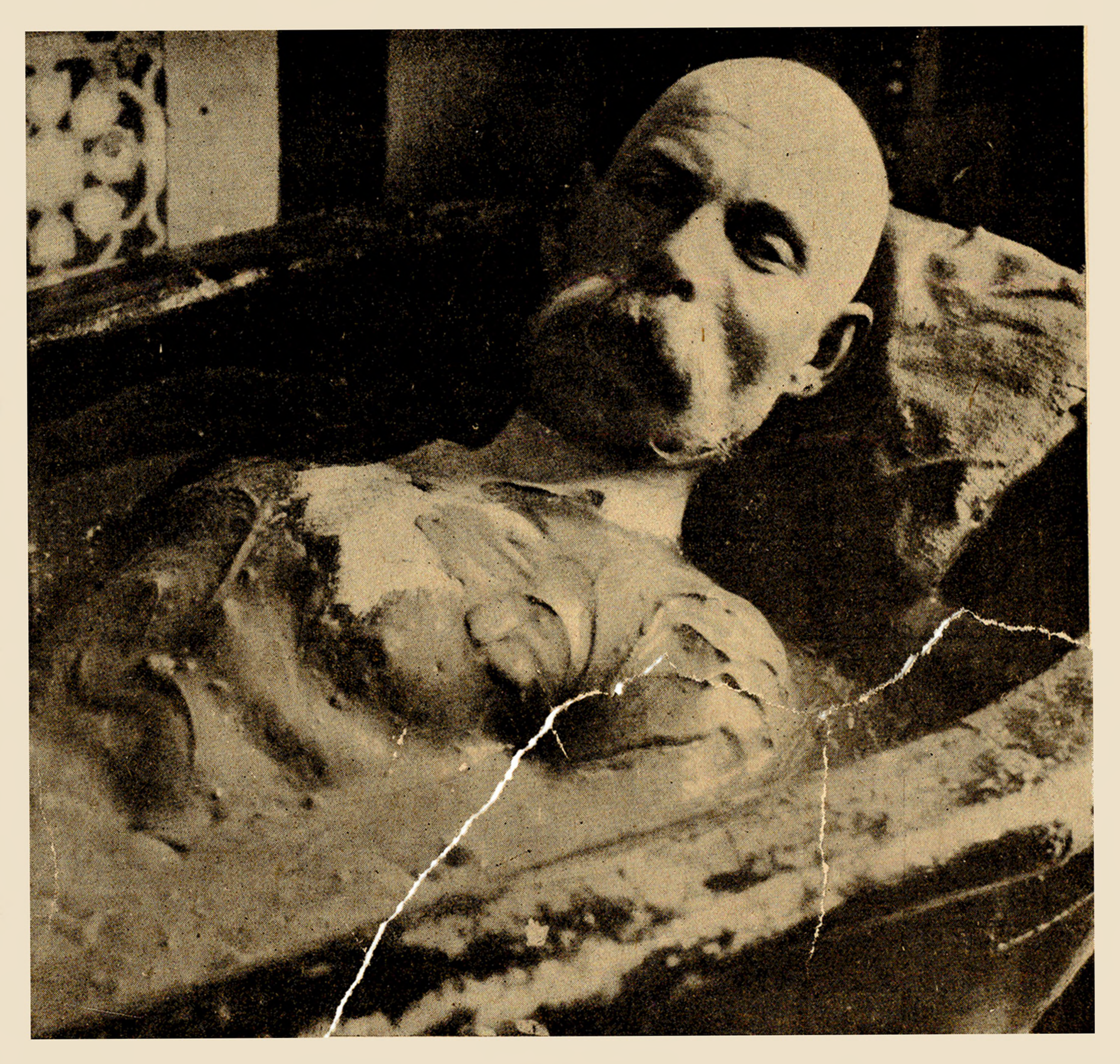
2.

Сочно пахнет акация в санаторском парке. Здания утопают в густой заросшей зелени. Горячее солнце, крадучись, сквозь листья, плавится чугунным литьем. Припекает.

Идем по разбросанным дорожкам. По бокам стриженые кусты, цветы рассыпаны в клумбах пестрыми коврами.

Лишь две недели тому назад, здесь раздавался стук молотка. Чистились помещения, ванны, мылись окна, возили посуду. Суетились служащие к встрече рабочих.

Слет начался. Первый сезон уже „разгорается“.

В грязевой ванне.

3.

Не доходя до лимана в глаза ослепленные солнцем бросаются каскады брызг—это колодезный фонтан. Рыли его еще до войны, искали артезианскую воду—на глубине 78 саж. забила мутная жижь, а спустя пару часов брызнул теплый фонтан. Вода на вкус была углекислой. Сделали анализ—оказалось, что при газировании можем иметь собственный Боржом или Нарзан. Средств мало, и от этой мысли отказались.

Но с рассветом, когда первые солнечные лучи разбуженного утра начинают заглядывать в запыленные стекла,—сюда к фонтану, как некогда к западной стене разрушенного Иерусалима, шли пилигримы—тянется плеяда рабочих с чашечками и кружечками. Пьют, но не запоем. Вода промывает кишечник и желудок—дает блестящие результаты при заболевании. В день фонтан выплевывает свыше 30.000 ведер при температуре 18° в течение круглого года.

Администрация Одкурупра использовывает эту воду и для других целей—она наполняет кубы для гидропатического отделения.

4.

Направляемся к лиману, от него по стокам бассейна вода отлагает грязь. Вонючая и липкая.

Утопая по колено, рабочие грузят в вагонетки грязь для своих товарищей. Средняя добыча в сутки—свыше 10.000 пудов на 700—800 ванн.

На днях начинается механическая добыча грязи с лимана. Машина, к которой будет приспособлен черпательный караван, будет быстро захватывать и перебрасывать грязь в крупные боты. С одной стороны грязь улучшится в своем качестве, с другой—мы затратим меньше сил и средств.

В вагонетках грязь подается в „чистильную“, откуда она по трубам взбирается вверх в грязелечебницу.

Живительная грязь.

5.

Помещение обширное. Духота, как в парной бане. Корридоры длинные. По сторонам кабинки.

Кто-то в белом халате отдает распоряжения:

— Кабинка 39! Отправить в потельную! Кабинка 42—время!... Подать коляску 27-ой... Живей!... Не терять времени!...

Шахматными фигурами движутся люди от одной кабинки к другой. Здесь нет шума—все заведено механически. Служащие знают на зубок систему работы и, безмолвно слушая приказания, перебегают от одной двери к другой.

Стоим возле кабинки. Дощечка проста, а на ней № 33. И тройки также кручены, как и ноги безжалостным ревматизмом.

Кабинка светлая.

В жидкой грязи—высунута голова, налитые кровью глаза от жаркой темпера-

Рабочие Донбасса.

Рабочие Харькова в грязелечебнице.

Широкая терраса. Вьется затейливо зелень.

Ряд бесконечных столиков в белоснежных скатертях.

На столиках аккуратно лежат приборы. Муравейником зашевелилась терраса, зажужжала пчелиным роем.

Бритые головы, как сахарные комы, отвисшая кожа на скулах, обожженные солнцем шеи и руки—плавятся краснотой.

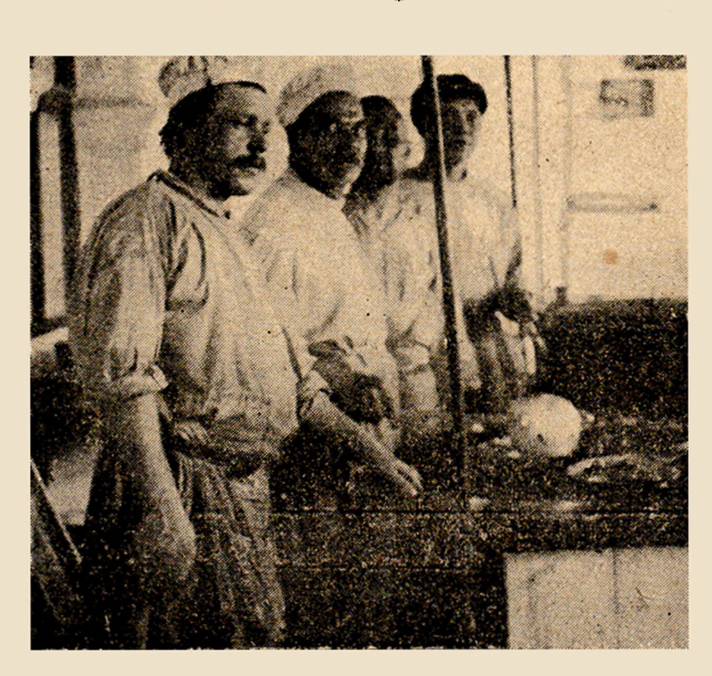
Садятся землячествами: вот донбассовцы, подальше—екатеринославцы...

— Харьковская, садись!—орут открытые губы.

— Рассейские, направо!...

В столовой.

Приготовление пищи.

Начали обедать. Стали и нас кормить—до отвала.

Рабочий Вязниковской фабрики, Владимирской губернии, медленно разжевывает клочки мяса, густо присаливая.

— Что же, вы, товарищи, действительно по воздуху прилетели из Харькова от журнала?

— Мм!...

— А ты, отец, полетел-бы? подсмеивается сосед-юнец.

Рабочий посмотрел,—а глаза большие, налитые синькой, лоб широкий и в бороздах, ноздри тяжко посипывают—и спокойно ответил:

— Нет, сыночек, по земле куды хочешь пойду, а по воздуху, ну его...

Кто-то потянул вязниковца за рукав.

— Да чаго тянешь?... Ежели партия прикажет—прийдется ехать, а по собственной воле—никогда!...

8.

День ломит лучи, перегибая их к западу. Жара перестает клокотать—потянулась с обрывов духота.

Наступает „мертвый час“.

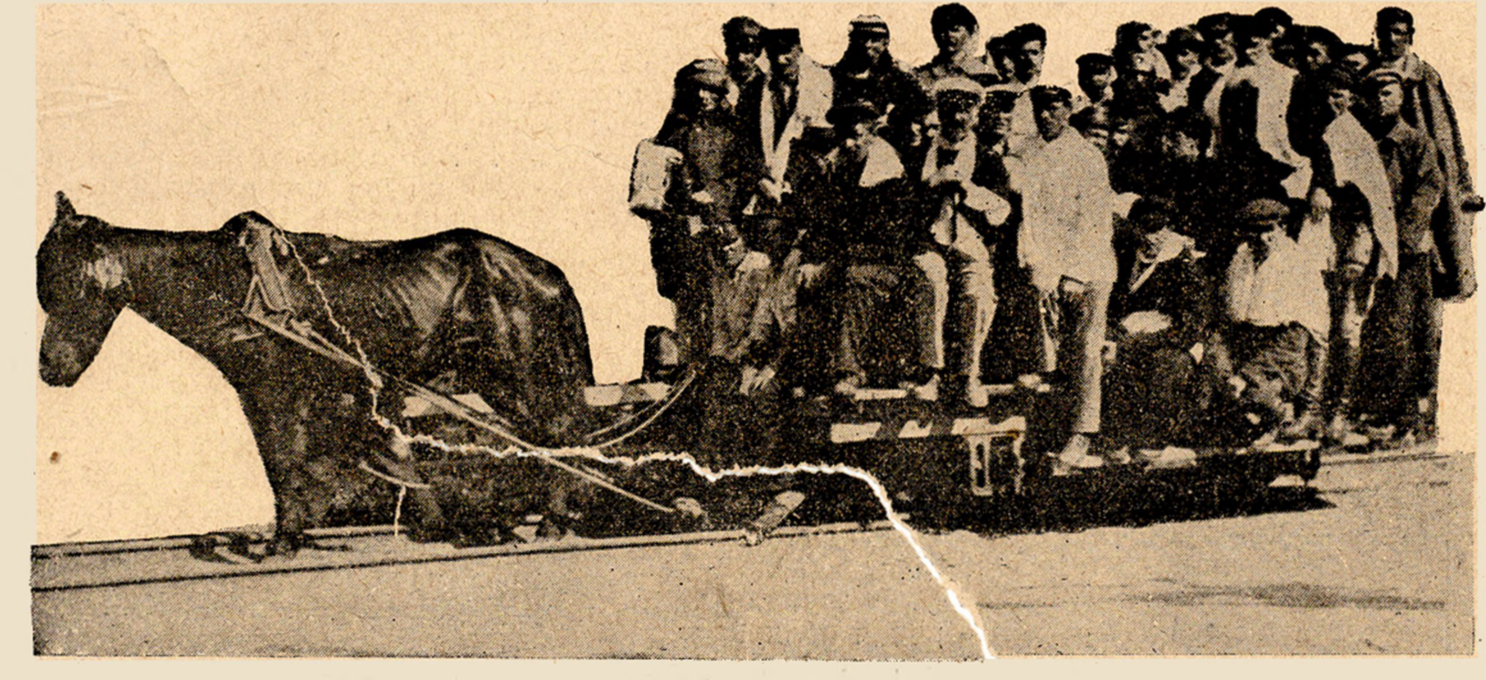
И Куяльник замирает.

Тишина, как в египетском саркофаге.

Млеет солнце в духоте, и в парке тишь,—слышно даже, как комар бунтует в полете.

Все уснули, замерли на час—полтора, чтоб к вечеру после ужина, втянув в себя тонкоствольные струи свежего воздуха, улечься спать без хрипоты в костях, а с утренними лучами вновь париться в лиманской грязи.

ФАБИАН ГАРИН.

Возвращение больных из грязелечебницы в санаторию.

„КУ-КЛУКС-КЛАН“

Американский фашизм.

Что было и что есть.

Застыли, упершись в голубой купол, безмолвные небоскребы. Их всего одна улица,—таких, молчаливых и мрачных домов. Главный город штата—он существует только несколько десятков лет и успел обзавестись всего лишь одной культурной улицей.

Пятьдесят лет тому назад здесь, у устья большой реки, звонкоголосые индейцы выменивали никому ненужные остропахнущие звериные шкуры и блестящий желтый песочек—что так легко набрать в лесу, на дне ручья, на новенькое дешевое тряпье и запечатанные бутылки жидкого дурмана. Эти глупые белые—так много хороших вещей и за всякую дрянь!

Теперь—желтый песочек—золото—белые берут даром, а жидкий дурман одолел могучие племена свободных краснокожих и превратил их в рабов белых людей.

На берегу каменистых ручейков—выросли, прокопченные табачным дымом и перегаром виски (английской водки), поселки золотоискателей. Утром и вечером, днем и ночью стучит по девственной земле ненасытный заступ белого человека.

Неизвестно, откуда приходящие и неизвестно, куда уходящие упорные, как кроты, и дикие, как волки, люди годами терзают девственную землю, копошась в табачной копоти, обжигая легкие парами острого виски.

Собрание членов „Ку-Клукс-Клана“.

К югу от устья большой реки в необ'ятных прериях (степях) загорелые, крепкие парни гонят по высокой траве тяжелый длиннорогий скот. В необ'ятных прериях—потонули одинокие фермы. В высокой траве свистят арканы и пугают степных птиц гортанные окрики лихих ковбоев (американских стадоводов). Осенью—утром и вечером, днем и ночью тянутся к устью большой реки тысячеголовые стада упитанного жирного скота.

Город растет. Громадная фабрика принимает в свои об'ятия тех, что еще недавно терзали заступом скупую землю. Желтый песок—из тугих мешочков неуклонно переходит в светлые заводские конторы и ослепительные залы величественных банков. Громадная фабрика жует, перемалывает и переваривает тысячеголовые стада мяса и выплевывает их миллионами жестяных запаянных консервных банок.

У устья большой реки, как по мановению волшебной палочки растет и наполняется скрипом лебедок и воем сирен—бетонный стальной и каменный порт.

В городе, на прямой, как стрела улице, один за другим встают, упираясь в голубое небо, каменные чудовища. С девяти утра и до трех дня щелкают счеты, хлопают дверцы несгораемых касс, стучат арифмометры и пишущие машинки.

Снуют по улицам крашеные, новенькие трамвайчики, наполняя воздух неугомонным веселым звоном. Носятся, как жучки какие то нескладные, но удивительно быстрые и легкие автомобили:

По ночам в узких улицах назойливо сверкают огни веселых ресторанов и танцулек. Зовут ослепительно яркие цветные афиши кинематографов. В наскоро сколоченных „шантанах, в кабинетиках за диктовыми стенками горит синим пламенем в узеньких рюмках контрабандный ликер и при свете огромных ламп сверкают настоящие и фальшивые бриллианты.

I.W.W. Индустриальные рабочие мира.

Когда на тяжелых фабричных воротах появляются отпечатанные на ремингтоне об'явления о том, что вследствие вздорожания сырья и увеличения накладных расходов заработная плата рабочим будет понижена,—тогда тысячи утомленных недоспанным сном человеческих машин делаются на время живыми людьми.

Как улей гудит в фабричном дворе многотысячная толпа рабочих. Наскоро организованные митинги нарушают ритмическую механику фабричной жизни, грозными выкриками и лозунгами освободившейся стихии. Неизвестно откуда появляются красные флаги. С бурной радостью выползает из подполья революционное брожение. С глухим стуком открываются громадные фабричные ворота. Фальшиво, но оглушительно и дружно гремит рабочая песня, и широкая волна, засаленных блуз и кэпи с большими козырьками заливает асфалтовые тротуары и мостовые.

Настороженно, с затаенной на время злобой, закрываются магазины нижних этажей. Стальные шторы спускаются на сверкающие глаза витрин. В окнах контор появляются озабоченные и оживленные лица сутулых клерков.

Потом толпа заливает густой человеческой массой круглую площадь у новенькой городской ратуши. На неуклюжих фордах, на причудливых электрических фонарях, на лестницах ратуши (здания городской думы), на всех карнизах, выступах и углах, как грозди спелого винограда—засаленные блузы и кепи с большими козырьками. Куда ни падает взгляд, те же сосредоточенные озлобленные лица живых людей. Толпа гудит, топчется на месте, и тяжелый воздух, насыщенный невидимой бетонной пылью полон тысячами кричащих человеческих голосов.

В светлых конторах неустанно звонят телефоны. Из центра города, где обширная контора напоминает третьеразрядный банк, джентльмены, руководящие профессиональным движением, прижимаются бритыми щеками к блестящим трубкам микрофонов. По проводам, опутывающим густой сетью улицы города, электрический ток без устали мчит во все стороны человеческую речь.

Джентльмены из профсоюза и джентльмены из контор великолепно понимают друг друга и без слов. В порту—заснули океанские громады, ожидая из замолкнувших фабрик своей ежедневной дани. Фабрики должны работать, потому, что культура питается продукцией фабрик, а культура не ждет.

Джентльмены из контор и джентльмены из профсоюза—уже сговорились. Автомобильный сигнал, наигрывающий популярную шансонетку чикагских баров—резким диссонансом врывается в неугомонный оркестр человеческих голосов. И ослепительно новенький Ройль-Ройс, сверкая шлифованными стеклами, пробивает себе дорогу сквозь гущу толпы.

Упитанный джентльмен в лоснящемся цилиндре проворно выскакивает из затихшего автомобиля, на мгновение исчезает в дверях ратуши, потом сейчас же показывается на балконе. Джентльмен говорит долго и убедительно. Он спец, ему не впервые. У него в голове прочно засели длинные столбики цифр: прибыль и убытки. Эти цифры—для него яснее всяких доводов.

Но живые люди внизу, на площади - не знакомы с языком цифр. Они хотят иметь еженедельно лишь определенное количество долларов, чтобы купить хлеба. Остальное их не касается.

Над толпой реют красные плакаты с тремя, хорошо знакомыми джентльмену в цилиндре, буквами:

I.W.W. ИНДУСТРИАЛЬНЫЕ РАБОЧИЕ МИРА.

Толпа верит тем людям, которые выдумали эти буквы. Толпа не хочет слушать джентльмена в цилиндре. Толпа желает только, чтобы ей платили, как платили всегда.

Когда появляются на балконе ласковые джентльмены из профсоюза, им уже не позволяют говорить. Освободившаяся стихия не желает слушать своих вековых тюремщиков. Толпа ревет и проклинает. Тяжелые обломки асфальта летят на балкон. В ослепительном Ройль-Ройсе выбиты шлифованные стекла. Равнодушный, как камень шоффер в меховой дохе уперся сталью мускулов в дрожащий руль.

Вдруг наступает гробовая тишина. Из прилегающей улицы звучит веселый мотив чикагского марша „Янки вперед“. В углу площади на карнизе появляется засаленная блуза, кепи с большим козырьком на изможденном лице—много лет вдыхавшем свинцовую пыль. Кепи с большим козырьком кричит:—„спасайтесь, друзья, идут белые ребята из Ку-Клукс-Клан!“

Янки вперед!

Голос ли это провокатора,—или нет, никто уже этим не интересуется. Из прилегающих к площади улиц медленно и

Шествие «белых ребят». **Торжественные похороны убитого члена Ку-Клукс-Клана.**

торжественно движутся колонны белых балахонов. На балахонах—белые острые капюшоны монахов-капуцинов. На белых грудях—черным шелком вышит герб Муссолини-итальянского деспота. Молитвенно сложены руки. Из под длинных до полу рукавов клеш—виднеются резиновые палки, оружие полиции культурных стран. Белый оркестр насвистывает „Янки вперед“, „белые ребята“ из Ку-Клукс-Клана тесным кольцом охватывают круглую площадь у ратуши.

Толпа живых людей мечется, как стадо длиннорогого скота, застигнутого пумой-львом у водопоя в верховьях большой реки. Вокруг плакатов I. W. W.—индустриальных рабочих мира—группируются люди, которые попытаются защищаться. Неорганизованно и беспорядочно сыпятся на „белых ребят“ проклятия и куски асфальта.

Тогда белые балахоны смыкают свои ряды. Свистят в воздухе резиновые палки с мягким шлепаньем опускаясь на человеческие лица, плечи и спины. Белая живая лента идет в атаку и взбудораженная каша человеческих тел, извиваясь мечется в беспощадном кольце.

А полиция? Где же полиция? Заложив руки за спину, прогуливается возле площади, полные сознания собственного достоенства джентльмены с кокардой на суконных шлемах и с интересом наблюдают за забавной проделкой „белых ребят“. Джентльмены с кокардой согласно свободнейшей в мире конституции и закона об охране порядка уже арестовали несколько засаленных блуз, схваченных на месте преступления с кусками асфальта в руке. Бить стекла — это не порядок и виновники его немедленно доставлены в полицию. Все же остальное—джентльменов в кокарде не касается. Пусть „белые ребята“ из Ку-Клукс-Клан делают все, что им заблагорассудится.

А ласковые джентльмены из профсоюза? В несгибающихся воротничках и манжетках „монополь“ они ожидают в передней загородного дома упитанного джентльмена, который выпив положенное количество бакалов виски с содой, возвратится домой, снимет цилиндр и пиджак и выйдет в ночных туфлях в переднюю, для того, чтобы сговориться с джентльменами из союза о том, как ликвидировать „досадное недоразумение“.

А на круглой площади у ратуши — потеха продолжается. Со стоном и проклятиями, выплевывая вместе с кровью выбитые зубы, придерживая вывихнутой рукой рассеченный резиновой палкой глаз, бегут с площади засаленные блузы. Белые привидения добивают рабочих, не успевших прорваться сквозь страшную цепь. Площать усеяна кусками асфальта, башмаками и кепи с большим козырьком.

Это сегодня. А в другой раз, белые приведения наполняют новенькие автомобыли и катят глубокой ночью в рабочие кварталы. Резиновая палка грубо ударяет в низкую дверь, и полуодетая женщина, держась дрожащей рукой за поржавелую дверную ручку, схваченная за горло жирными пальцами, прорывает ночную тишину жалобным криком ужаса. Звенят мутные стекла маленьких окон, жалобно кричат перепуганные дети и „белые ребята“ из Ку-Клукс-Клан, веселясь в чаду безнаказанного погрома, резиновыми палками по лицам, спинам и плечам до рассвета разгоняют свой потомственный сплин.

А еще когда-нибудь белые привидения просто врываются на рабочее собрание. Внезапно тухнет свет. Смолкает смелая речь оратора. Из густой массы человеческих тел жирные руки вырывають очередную добычу и ослепительно новинькие-Ройль-Ройсы бережно доставляют свой живой груз в рощу за городом. При свете луны блестит обнаженная человеческая спина и белые привидения, после скучного американского дня щекочут свои нервы зрелищем забавной экзекуции.

А изредка „белые ребята“ из Ку-Клукс-Клан устраивают в городе у устья большой реки „чистку расы“. Воют и извиваются под ударами резиновых палок злополучные китайцы, японцы или негры. Белый оркестр насвистывает „Янки вперед“!

Бьют—один другого, у Ку-Клукс-Кланов.

„Белые ребята“ с наслаждением играют в фашизм. Похождения Муссолини—кровавого деспота чернорубашников, эмблемы итальянских фашистов, их подпольная структура—до прихода власти и диктатуры,—все это привлекает предприимчивых янки. Сыновья лавочников, миссионеров, рестораторов, сутенеров, биржевых шиберов, а подчас и „настоящих“ денежных королей—„белые ребята“ из Ку-Клукс-Клана с увлечением предаются своей безнаказанной игре.

У них есть начальники штабов и подпольные штаб-квартиры, отделы прессы и пропаганды и своя маленькая погромная литература. У них есть король, секретные знаки, тайный устав, песни и гимны.

Когда нужны деньги, щедрая рука присылает изящный чек и вежливый клерк, услужливо нагнувшись над пачкой долларов, с уважением и страхом поглядывает сквозь круглые роговые очки на счастливца, которому „сам“ отпускает такой солидный куш на „непредвиденные расходы“.

Внутри организаций Ку-Клукс-Клан идет постоянная борьба за власть, как и в „настоящих“ партиях. И когда не поделивши командование над какой-нибудь „операцией“ или не поделив просто кипу долларов, полученную по изящному чеку, какой-нибудь начальник штаба убивает директора пресс-бюро — а убить очень легко после такой богатой практики,— тогда всезнающая американская газета печатает на первой странице сенсацию:

Бьют один другого у Ку-Клукс-Кланов.

Вчера директор пресс-бюро Оклагамской организации Ку-Клукс-Клан убил из политических побуждений начальника штаба той же организации.

Всемогущая организация замазывает историю—полиция в такие дела не вмешивается,—и собравшись глухой ночью на тайной штаб-квартире „белые ребята“, сидя на корточках перед усыпанным цветами металлическим гробом, служат зловещую и таинственную гражданскую панихиду.

Потом ослепительно новенький Ройль-Ройс катит по асфальту металлический гроб. Над Ройль-Ройсом опущен черный звездный флаг. Палачи хоронят своего товарища.

Белая гвардия капитала.

„Белые ребята“ это популярное название членов американской фашистской организации Ку-Клукс-Клан. В Соединенных Штатах—фашизм находится лишь в первой стадии своего развития. Не выступая активно ни на выборах, ни в других проявлениях политической жизни, американский фашизм Ку-Клукс-Клан стоит лишь на страже интересов капитала и деятельно помогает ему в борьбе с его основным врагом—рабочим классом.

Конспиративная комедия, таинственные знаки и необычайная белая одежда—все это сводится лишь к одному: заинтересовать и привлечь в свои ряды золотую молодежь Соединенных Штатов, пресыщенную всевозможными аттракционами и тщетно ищущую развлечения.

По существу своему,—Ку-Клукс-Клан является тайной организацией, имеющей целью „охрану существующего строя“ и беспощадную борьбу с революционным движением. Попутно американский фашизм борется за сохранение „чистоты нации“ и жестоко преследует всех инородцев. Ку-Клукс-Клан тесно связан с тайной полицией и финансируется крупными трестами и банками. Личный состав американских фашистских организаций— наемные погромщики и золотая молодежь, пресыщенная устаревшими развлечениями культурного мира.

Революционные рабочие партии Соединенных Штатов, а, главным образом I. W. W.—индустриальные рабочие мира ведут упорную борьбу с Ку-Клукс-Клан и часто дело у них доходит до форменных сражений, заканчивающихся вмешательством полиции, массовыми арестами рабочих—участников сражения и необ'яснимым бесследным исчезновением спровоцировавших столкновение фашистов.

В Америке, где даже совесть министров и президента республики продается за деньги,—„белые ребята“ безобразничают совершенно безнаказанно. Но с каждым новым погромом растет возмущение рабочих и крепнут ряды революционных организаций.

В Соединенных Штатах, где жестокое проявление фашизма тесно связано со всем прогнившим капиталистическим строем, организации Ку-Клукс-Клан будут уничтожены лишь тогда, когда американский пролетариат, оторвавшись, от соглашателей, перейдет к активным революционным выступлениям.

Гарри.

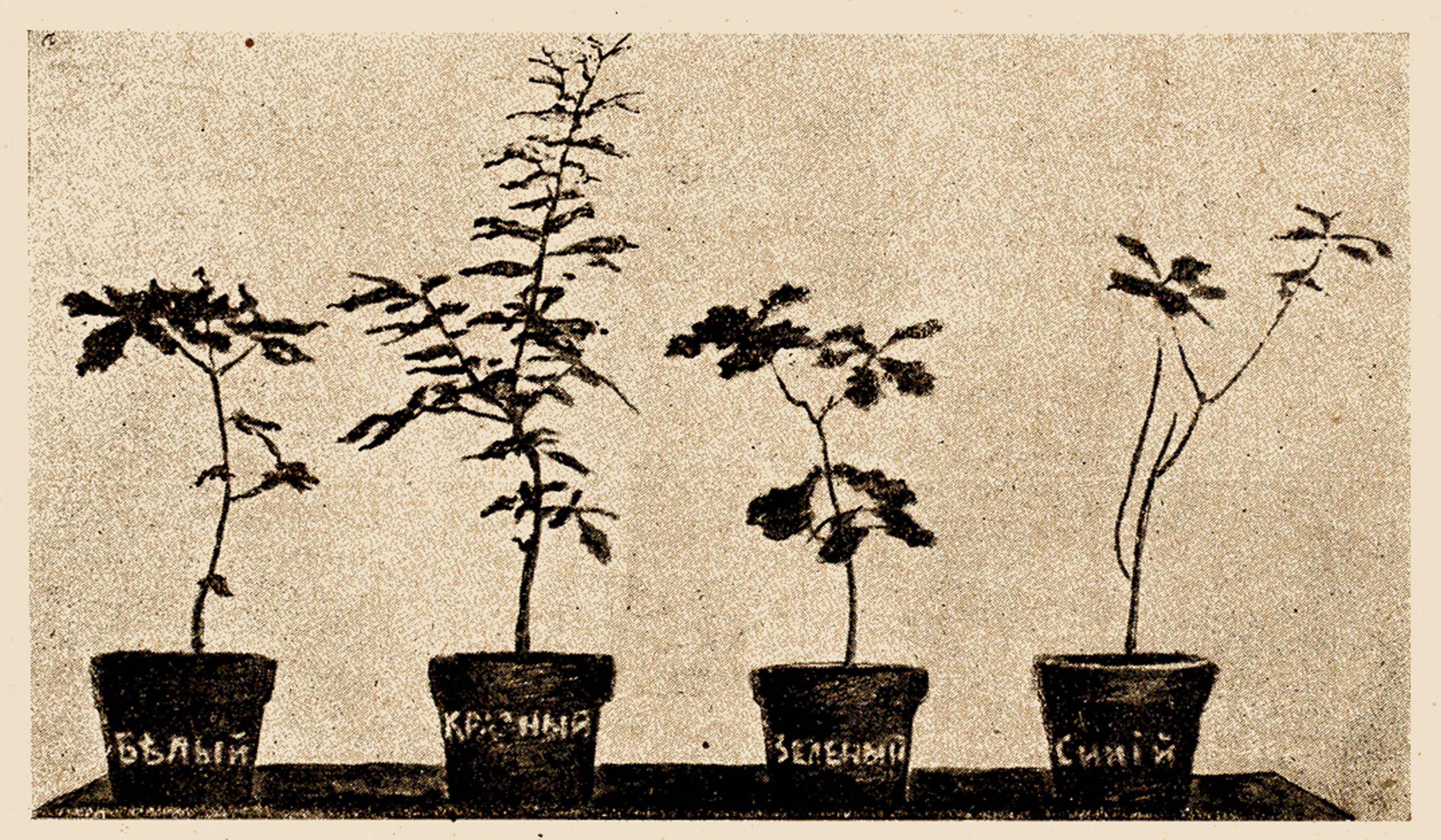
ПЕРЕД РАЗГАДКОЙ СВЕТА И ЕГО ОВЛАДЕНИЕМ.

Быстрые успехи науки в области световых явлений.—Влияние цветных лучей на развитие растений и на изменение их окраски и формы.—Цветной свет в шелководстве и медицине.—Причина самосвечения живых организмов и что даст его изучение.—Ускорение роста растений и образование сахара при свете луны. — Об'яснение „привидений" на кладбищах. — Успехи лечения светом. — Эксплоатация солнечной энергии теперь и в будущем.

Не проходит двух-трех недель, чтобы газеты и журналы не сообщали о каком-либо открытии в области световых излучений. С апреля месяца шумит изобретение „лучей смерти" в Англии, применение которых на войне—убийственно для противника. Одновременно с этим изобретением опубликованы исследования американского физика Комптона, расшатывающие волнообразную теорию света. В мае стало известно о появлении в Англии новых лучей, дающих возможность секретного телеграфирования; на днях мы узнали об излучении человеческого организма, как о факте, засвидетельствованном видными учеными Франции...

Ясно, что многие из подобных сообщений нуждаются в тщательной проверке; лишь после того они могут быть признаны достоверными и заслуживающими широкого внимания.

Но бесспорно иное обстоятельство: научно-техническая мысль в последние годы лихорадочно мечется в поисках разгадки световых излучений и овладения ими на пользу практической жизни. Поэтому, мы считаем своевременным бегло ознакомить наших читателей с некоторыми, безусловно уже достигнутыми результатами в области воспринимаемых человеческим глазом излучений. Наш краткий обзор будет охватывать период с ближайших, предшествовавших войне лет вплоть до нынешних дней.

На рисунке наглядно показано, как под влиянием цветных лучей изменяется рост и форма одновременно посаженных растений одного вида.

ЦВЕТНОЙ ЛУЧ И РАСТЕНИЕ.

Связь между цветом лучей и жизнедеятельностью растения замечена давно. Но в какой степени и в чем именно проявляется эта связь,—оставалось неизвестным. На долю популярного астронома Камилла Фламмариона выпала заслуга впервые дать ответы на эти вопросы.

Невдалеке от Парижа (в Жювизи), при обсерватории он установил теплицы с цветными стеклами.

В теплицах произведено множество опытов, из которых мы отметим следующие. Под влиянием красных лучей на растения, во многих случаях усиливается рост, темно-зеленые округлые листья становятся продолговатыми, отчетливо-разрезными и совершенно бледными. Листья герани от действия этих лучей утрачивают рыжевато-коричневую окраску по краям, пунцовые листья некоторых растений превращаются в ярко-зеленые.

Сила красного излучения сказывается и на усилении запаха. Цветок, испускающий обычно слабый запах после перенесения в вазу с водой, сохраняет приобретенный в теплице тончайший аромат.

Изменение формы под влиянием красных лучей также иногда выходит из ряда вон: латук-салат, вместо того, чтобы образоваться в кочан, растет в вышину до полутора метра!..

Действие синего света выражается в ином направлении: он задерживает или совсем приостанавливает рост. Зеленые лучи способствуют незначительному повышению роста и уменьшению размера листьев с изменением их окраски в бледно-зеленую.

Естественно, после этого, что продолжатели работ Фламмариона, прилагают все усилия, чтобы направить развитие многих растительных обитателей садов и полей по желанию человека.

ЦВЕТНОЙ СВЕТ В ЖИЗНИ ЖИВОТНЫХ И ЧЕЛОВЕКА.

Не менее замечательна способность цветного света влиять и на жизненные процессы в животном и человеке.

Установлено, что ценная для шелковода быстрота развития шелковичного червя достигается применением красных лучей. Это средство не только ускоряет развитие насекомого, но и увеличивает количество самок, вес кокона, а также—яичек на каждую самку.

В медицине давно известно, что синие лучи повышают содержание крови во всем организме. Однако, целебное действие видимых цветных лучей доказано лишь в прошлом году опытами Мюнхенского „общества по изучению цветного света" и американского ученого Бэбита. Эти работы обещают произвести значительные изменения о разных отраслях врачебного искусства. Оказывается, что при лечении всякого рода воспалений и лихорадки, весьма полезно применение синего света; возбуждения деятельности желудка, почек и печени можно достигнуть воздействием пурпурного света, оранжевые лучи незаменимы при болезненном охлаждении конечностей.

Из числа прошлогодних опытов в данной отрасли следует отметить еще один. Это—замена слабительных веществ обыкновенною водою, отстоявшейся на солнце в желтой склянке!..

Медицинское значение подобных „лекарств" будет тем выше, что гуще (концентрированнее) будут лучи. Поэтому, прибегают к простому способу: лучи необходимого цвета направляются через двояковыпуклое стекло на место заболевания или воду (слабительное)...

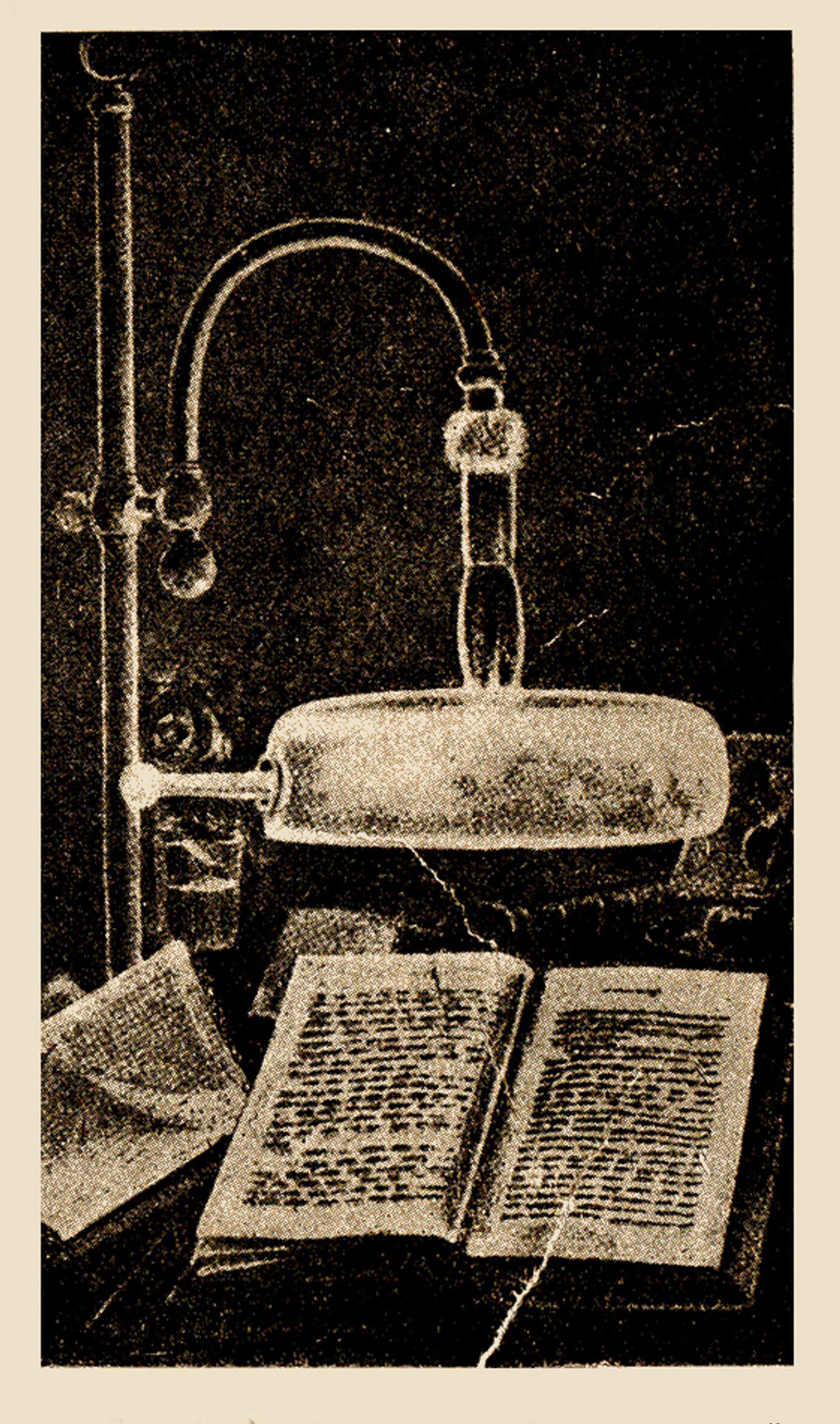
ЖИВОЙ ЛУЧ И ЭКОНОМИКА.

В 1900-м году одна из комнат Парижской всемирной выставки привлекла внимание многочисленных представителей науки. Известный французский физиолог Дюбуа выставил в этой комнате светящиеся „живые лампы", при свете которых можно было читать и производить фотографические снимки. Эти „лампы" представляли стеклянный сосуд, наполненный бульоном со светящимися микроорганизмами (фотобактериями)

После этого не оставалось уже никакого сомнения, что многие таинственные излучения в природе самосвечение бактерий (Пример: „пылающая" поверхность моря).

Большинство читателей, вероятно, знает, что способностью лучеиспускания, кроме бактерий, обладают некоторые грибы, насекомые, обитатели морских глубин и прочие живые организмы.

Какова же причина самосвечения? Удовлетворительный ответ на этот вопрос най-

Свет „живой лампы" (сосуда с разводкой фотобактерий) настолько значителен, что при нем можно производить фотографический снимок.

ден лишь несколько лет назад. Выяснилось, что тайна „живого света"—в дыхании, т. е. в процессе медленного сгорания —в присутствии кислорода или воды—особых „фотогенных" веществ организма. Известно, что чем больше приток кислорода, тем сильнее горит всякое тело. Так же обстоит дело и со сгоранием „фотогенных веществ", имеющихся только у светящихся организмов.

Явления живого света и их об'яснение, разумеется, не новы. Мы остановились на них в связи с иным обстоятельством... В наши дни немало инженеров и физиков усиленно занялись изучением лучеиспускания организмов в интересах практически-хозяйственных.

Не совсем — ясно? Поясним. Живой свет не обладает теплотой. Повидимому, вся его энергия уходит на излучение. Это—идеальный свет, совсем непохожий на искусственное — электрическое или газовое освещение, энергия которого превращается в свет лишь в количестве менее одной десятой части (более девяти десятых уходит на бесполезную при этом теплоту).

Статуэтка, снятая при лучах „живой лампы", устроенной французским физиологом Р. Дюбуа.

Понятно, что когда изобретатели перенесут разгадку лучеиспускания в практическую жизнь, то расходы на освещение сократятся более, чем в десять раз...

ОПЫТЫ СО СВЕТОМ ЛУНЫ.

Здесь придется упомянуть об опытах автора этих строк, в 1918 году, в Харьковской лаборатории б. управления сельским строительством по изучению действия лунного излучения на развитие картофеля и гречихи. Посредством рефлекторов, линз и зеркал, свет луны был направлен на то или другое растение и в большинстве случаев, в результате получалось ускорение роста или цветения. Особенно заметно проявлялось влияние концентрированных лунных лучей при повышенной температуре в лаборатории (до 30—35° Цельсия).

Летом 1922 г., в заповеднике „Аскания-Нова", были повторены подобные опыты на степном ковыле. Результат получился менее поразительный, но все же положительный. Известный асканайский ботаник—профессор И. К. Пачосский, усомнился в правильности моих выводов.

И вдруг, в начале 1923 года, в английском журнале „Nature" сообщается об открытии Елизаветы С. Симменс. Это открытие доказывает еще более сильное влияние лунного света на органическую жизнь. Елиз. Симменс близко подошла к разрешению одной из величайших тайн растения: ей удалось, с помощью лунного излучения, произвести расщепление крахмала и превращение его в кристаллический сахар!...

На первый взгляд такое открытие граничит с несообразностью. Но именно—на первый взгляд. Ведь химическое действие лунного света может в некоторых случаях оказаться даже сильнее солнечного. Это—нетрудно понять. У луны нет атмосферы. Следовательно, обычно задерживаемые атмосферой химические (ультра-фиолетовые) лучи солнца достигают лунной поверхности в громадном количестве. При долговременном действии их, поверхность луны должна иметь свойство фосфоресцировать, т. е. светиться собственным светом, а не только слегка отраженным солнечным. Вот это-то свечение и является причиной столь замечательного действия лунного света.

Мы не сомневаемся, что дальнейшие исследования дадут еще более поразительные результаты в этой области.

ТАЙНА БЛУЖДАЮЩИХ ОГОНЬКОВ.

Вряд-ли кто-нибудь не слыхал о привидениях на кладбищах. Суеверные люди принимают такие „привидения" за души умерших. Люди же науки до недавнего времени отрицали возможность чего-либо, напоминающего блуждающие излучения. Однако некоторым ученым пришлось воочию убедиться в существовании двигающихся голубоватых огней в болотных местах и на кладбищах.

Сначала ученые приняли такие огоньки за пламя болотного газа, но потом отказались от этого об'яснения: не было причины возгорания, да и голубой цвет чужд пламени болотного газа.

Менее года назад, выяснилась, наконец, причина возникновения таинственных излучений. Бельгийскому химику Дюма посчастливилось искусственно воспроизвести „блуждающие души".

Особый аппарат, наполненный сероводородом с примесью фосфорнокислого кали, Дюма поместил ночью под водою. В аппарате образовалось вначале новое соединение—фосфора с водородом. А затем, как только смесь этих газов соприкоснулась с воздухом, возник настоящий блуждающий огонек.

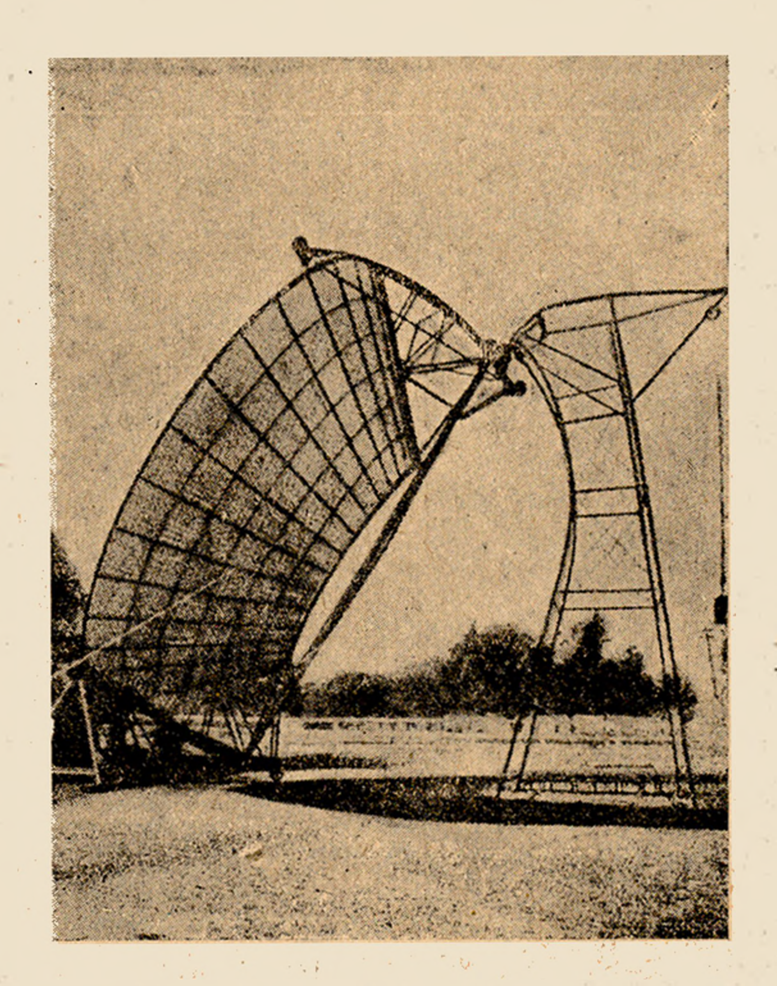
После этого становится ясным и появление таких огоньков кое-где на кладбищах. Если трупы лежат в сыром месте, то из органов, богатых фосфором и серою (напр., головного и спинного мозга), выделяются газы, заполняя собою черепную коробку. Как только повышается давление, газы стремятся наружу из-под земли. Выйдя на воздух, они воспламеняются и начинают светиться голубоватым пламенем с маленьким облачком.

Отсюда—и рассказы о привидениях на кладбищах.

СОЛНЕЧНЫЙ СВЕТ И ЕГО БУДУЩЕЕ.

Наш очерк видимых глазом световых явлений слишком пострадал бы, если бы мы не коснулись тут обыкновенного солнечного света. Как известно, он представляет собою смесь всех существующих в природе цветовых лучей.

Каждый из нас испытывает на себе благотворное влияние солнца. Издавна уже замечено, что в солнечных странах

Солнечный двигатель в Лос-Анжелосе (Калифорния), отражающий при помощи зеркальных стекол лучи солнца по направлению к паровому котлу.

случаи долголетия значительно более часты, чем в иных местностях. Однако, далеко не все знают, что многие так назыв. хирургические болезни излечиваются воздействием солнечного света. Туберкулезное поражение костей у ребенка и горловая чахотка нередко исчезают под влиянием того же света.

Свечение разлагающегося мяса, вызываемое бактериями.

За границей с каждым годом все шире и шире развивается солнцелечение (гелиотерапия). В английских и немецких врачебных изданиях быстро прибавляется число примеров прекрасного действия солнца на гноящиеся раны, суставные вздутия, внезапные нервные боли и т. п.

На здорового человека солнечные лучи влияют также благотворно. Они повышают выделение углекислоты (вредного для организма продукта) и усиливают поглощаемость кислорода, безусловно необходимого для жизни.

Но и этим не ограничивается полезная служба человеку лучей солнца. В Германии, Италии, Египте и Америке уже приступлено к эксплоатации солнечного света для домашних нужд и фабричной работы. Солнечные двигатели во многих местах Калифорнии (Сев. Америка) заставляют кипеть воду, вертеться колеса машин и производить необходимую человеку работу.

И все же изобретатели и ученые не могут удовлетвориться только таким видом эксплоатации солнца. Они не могут уже примириться с тем фактом, что пустыня Сахара ежедневно получает от солнца тепловой энергии в шесть раз более, чем дает ежегодно мировая добыча угля!.. Работники науки стремятся превратить колоссальные источники солнечной энергии в химическую. Другими словами: они хотят „спрессовать", сгустить энергию в состояние... материи, которую можно было бы использовать когда угодно в виде света или тепла.

Не наивна-ли эта мечта—мечта создать в будущем огромные фабрики и заводы без дыма и копоти, мечта преобразить пустынные пространства в сады и леса? Нет, не наивна!.. Еще гениальный Ньютон теоретически доказал, что „превращение света в тела и тел в свет совершенно согласно с общим порядком природы".

В нынешнее время упорные работы физиков приближают нас к постижению самой природы света... Нет сомнения, что человечество стоит уже перед разгадкой света и его овладением!..

Генри Шпитерс.

ПРОЛЕТАРСКАЯ РОМАШКА.

На фаянсовых, табачных и чулочных фабриках, у наборных касс, в подземных норах шахт, в сырых подвалах рабочих окраин—всюду, где человек продает свой труд капиталу, „палочка Коха“ цветет желтыми пятнами на черствых прозрачных щеках..

Передвижная труппа на улицах Харькова в трехдневник туберкулеза.

Об этих пятнах смерти, о кашле, надрывающем грудь—фабричные девушки и уличные шарманщики сложили не мало тоскливых песен...

Чахоткою я мучаюсь, страдаю.
О скоро, скоро я умру...

И каждой весной и осенью дроги увозят на кладбище новых и новых на вечный отдых...

Чахотка самая популярная болезнь в рабочих районах. Социальное неравенство, изнурительный труд, недоедание—вскормили ее здесь и удобрили для нее почву...

Больше других болеют и гибнут дети фабрично-заводских кварталов...

Сырость рабочих жилищ, мертвый свет, едва просачивающийся сквозь узкие оконца подвалов, вечный смрад, дым и сажа заводских труб — подтачивает детский организм, разрушает его живые клетки и отравляет „палочками Коха“.

И гибнет, топчется железной ступней смерти детская весенняя трава, детская поросль... 80-90 процентов рабочих детей заражены туберкулезом...

Филантропы буржуазного общества свой весенний досуг заполняли общественным флиртом. Они придумали „День ромашки“ в пользу туберкулезных больных. Дамы из общества готовились к этому дню деятельно. Они шили себе специальные весенние наряды из тончайших зефиров и шелков. Они подыскивали себе партнеров-сборщиков из галантных вылощенных кавалеров. Какие изящные сумки для ромашек в ленточках и батистах они надевали через плечо!..

В чью пользу устраивались эти „дни ромашек?“ Менее всего думали о рабочих, о тех, кто от бездельников—капиталистов получал за свой труд „палочки Коха“... Громкие слова нарядных филантропок облетали в пустую, как лепестки ромашек...

В наше время, когда забота о рабочих стала первым делом правительства, „День ромашки“ получил иную форму, иное содержание. Туберкулез—наследие социального рабства. Коммунизм уничтожит его вместе с рабством. В стране ленинизма—не может быть и не будет социальных болезней...

* * *

С раннего утра щурится в небе огромный золотой глаз в густой оправе длинных ресниц.

Дети вышли из своих домов в город, чтоб людям напомнить о желтых пятнах смерти.

Дети у ВУЦИК'а.

Можно пройти мимо кричащих плакатов и ударных лозунгов, но не мимо детей, не прислушиваясь к их перезванивающимся голосам.

Длинные стаи воробьев в разноцветных платьицах, костюмчиках с поднятыми флажками. Слова напоминания о цветах земли, о Ленинской поросли. И хоровые песни. Вот остановились у фасада ВУЦИК'а. Вышел на балкон тов. Буценко. Несколько слов приветствия. Машут в воздухе флажками. Перекатные возгласы, обещания.

Зам. Наркомпросса т. Ряппо среди детей рабочих (на ул. Плеханова в Харькове).

— Нужно построить диспансеры и санатории, окружить их сосновыми парками. Побольше хороших врачей. Побольше заботы о раннем человеческом севе, о детях.

— Создавайте очаги жизни, дайте нам вырости, и мы станем верными строителями будущего.

Перезваниваются песни в детском шествии...

* * *

Туберкулез бродит в нашей стране, засматривает в рабочие квартиры, в цеха и там, где нищета, где санитарные условия плохи, тотчас же поселяется, закидывает липкие сети, садится за любимую пряжу смерти...

В стране ленинизма будем охранять труд от покушений туберкулеза, превратим заводы и фабрики в очаги здоровой организованной работы.

Будем гнать туберкулез от окон и дверей рабочих жилищ.

Будем строить диспансеры и санатории...

П. К.

ЛЮДИ.

I.

Днем было жарко—так, что асфальт отчетливо сохранял следы каблуков. За те несколько часов, что ему пришлось провести в городе, он перевидал добрый десяток людей выпил — в явный ущерб бюджету—три бутылки сельтерской, забежал в две редакции. В одной его побранили—он запаздывал со статьей; в другой—безуспешно—увы!—попытался получить аванс.

Думать, спорить, даже просто разговаривать было почти не в моготу. Он наскоро пробежал глазами витрину знакомого книжного магазина, увидел что нового ничего нет, и в трамвае, переполненном так, что он казался себе резиновым. еле добрался домой.

Потом—обед, потом привычный—ровно полчаса -сон—и уже около восьми, и уже совсем не так как раньше: можно просто разговаривать, спорить и даже—думать.

О том, что происходило дальше, читатель, здесь не будет рассказано, потому что это „потом" происходит сейчас. Он проснулся, окатил себя водой из под крана. выкурил две папиросы; на письменном столе, за которым он сейчас сидит—стопочка нарезанных в четверку листов бумаги, и он—не „он", а автор этой статьи.

II.

Нам пришлось только, что волей-неволей познакомиться с осколочком жизни человека, который пишет статьи в „Пламя". Правда. вы не узнаете дальнейших подробностей о том, как он живет и работает, Но он не оперный тенор и не героиня экрана—большего и ненужно. И то, что вы прочли сейчас—не начало рассказа, а зачин для беседы.

Речь у нас пойдет сегодня о **людях**—приходится говорить так потому, что множественное число от „человек"—неприятно.

Человек, с которым я знаком ближе всего—это я сам, и согласитесь, что даже мне, не беллетристу, удалось на короткое мгновение заставить вас обратить внимание на свою скромную особу.—Сделано это затем, чтобы вы. читатель, вспомнили—запомнили следующее:

1. Война, Революция, отучили вас от того восприятия жизни, когда она двигалась вперед со скоростью полуверсты в час, когда целиком был оправдан афоризм, что каждый прожитый год в своем активе давал только лишнюю тысячу с'еденных котлет.

2. Война и Революция многих заставила забыть, а другим помешали познакомиться с беллетристикой, к героям которой это название „герой" подходило так же, как к пресловутой корове—седло.

Мы не собираемся предпринимать никаких историко-литературных экскурсов, но возьмите любой довоенный толстый журнал—перелистайте там рассказы какого-нибудь Олигера или любого другого беллетриста—вы увидете что и о чем там писали.

Теперь дальше. Как ни относиться к этого рода литературе—у нее было одно достоинство. Она отвечала, совершенно независимо от ее тенденций, одной, очень важной стороне читательских запросов. Она давала **человека**. В каждом из нас в той, в другой ли степени заложена здоровая потребность—знания о тех, кто с нами рядом, с кем мы случайно или надолго встретились. Кто не подвергался этим, порой раздражавшим распросам в вагоне железной дороги; кто не ловил себя на том, что идя с кем-либо рядом по улеце или следя за случайным соседом по ресторанному столику—он не делал самых невероятных предположений относительно его профессии, привычек, всей его биографии.

Каждый как может—для себя—дополняет и обобщает этого рода знание о человеке... И эта же особеность—внешние осколочные наблюдения, развивать, уточнять, дополнять, комбинировать друг с другом—лежит в основе художественного периода многих и притом принадлежащих к разным литературным школам писателей. Мы не хотим загромождать статью цитатами но вежливость требует, чтобы здесь был упомянут прежде всего Лев Толстой („Детство", где он рассказывает, как он, путешествуя, встретил богомолок и что по их поводу думал) и затем Гоголя...

III.

Мы очень много говорим о новом быте. Это хорошо и понятно. Тревожит только то, что о быте **просто** мы как-то забываем, забываем не потому, что успели освободиться от его стесняющих пут, а оттого, что никто—по крайней мере в художественной прозе— не успел нам его показать.

Пореволюционная наша литература знает покуда только слабые попытки дать такого рода бытоописание. Еще не пришло, очевидно, время, чтобы самодовлеющее описание быта как оно есть стало в центре художественного задания писателя. Нет у нас поэтому и таких вещей, которые давали знание о человеке, о котором говорилось раньше. **Новый** быт и **новый** человек—в самом разнообразном (и как часто в фальшивом) виде или в противовес ему — уродливый пережиток старого—вот чем кормят нас наши писатели. Мы отнюдь и не говорим что эта пища нам бесполезна, но, кажется,—уже приспело время дать быт. **Быт**—просто быт—тот насущный хлеб, которого не хватает, несмотря на то, что на нашем столе достаточно много литературных и приправ и закусок...

IV.

Извиняемся за отступление—нужное впрочем. Потому что под этим углом зрения и придется нам приглядеться к нескольким любопытным образчикам того, что даст нам западная послевоенная литература. Пусть нам ничего или почти ничего не рассказали наши прозаики о том, каков сейчас есть советский обыватель, (нечего греха таить—он существует!) — зато мы можем познакомиться с самыми разнообразными его разновидностями в Европе и Америке...

Приступаем к делу.

Имена, о которых мы будем говорить—русскому читателю знакомы мало. Один—француз—**Дюамель**; второй—американец—**Синклер Льюис**. (Не смешивайте его с Уптоном Синклером!)...

Дюамель был автором доступных только очень утонченному вкусу стихов. Дюамель — один из немногочисленных во Франции писателей, развитой ум которых предопределяет все их творчество... Мы не знаем, что случилось бы с Дюамелем, если бы небо не разорвалось десять лет назад пополам если бы не открылась новая страница истории—если бы не было войны...

Но пришла война. Как тысячи других—Дюамель проделал на ее фронте. И вот—книжка его рассказов—„1914—1917" (она есть уже на русском языке)...

Дюамель увидел на войне то, что до него замечали не многие. Вернее сказать—у него во Франции так же увидел войну—больше ста лет назад Стендаль; у нас—Лев Толстой. У Дюамеля нет ни одного, кажется, описания сражения; Дюамель ни разу не показал лица войны. Не это ему нужно. У него иные задания, иной метод. Он увидел на войне человека, рабочего мелкого ремесленика, простого француза, буржуа. Неизвестно зачем—его оторвали от его привычек, от его работы, от его **быта** и бросили в другой и страшный быт—быт войны. Война стала обыкновением и каждодневную обычайность войны не можете вы не увидеть на страницах этой книжки, где почти все рассказы местом действия имеют даже не поле сражения, а палату походного госпиталя.

Не будем подробно говорить об этих рассказах, ибо в них все же за всеми персонажами, сменяющимися друг за друга вы ощущаете самого Дюамеля—тонкого и душевного человека, который поставлен в тупик, который проклинает проклятую всеми бойню...

Лучше остановиться чуть подробнее на другой его книге—на Полуночной Исповеди...

В ней вы не узнаете Дюамеля. В ней не он рассказывает, а рассказывают ему. Рассказывает мелкий служащий крупного торгового предприятия—рассказывает о том, как и за что его прогнали со службы, как он мучается, не находит нового места...

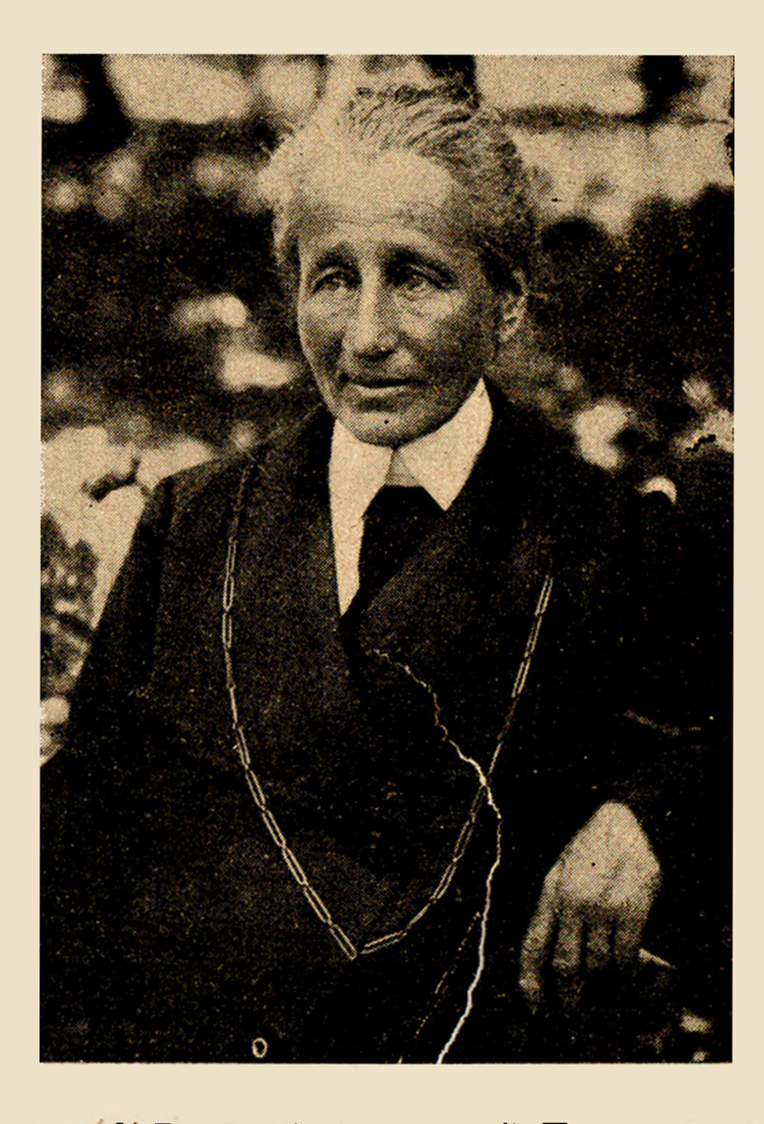
В книге нет событий, и фабула в ней развертывается так медленно, что всю ее можно уместить в пяти строках. С „героем" Полуночной Исповеди ничего или почти ничего не происходит.

Но за то вы узнаете, как зовут его матушку, какие у него любимые блюда, как скверно пахнет его лестница, какая у него мрачная комната и какие нелепые мечты навещают его в душных ее стенах...

Всегда бесконечно трудно пересказать своими словами то, что написано в любом рассказе, повести, романе... Кажется будто живое тело рассказа подменяешь восковой куклой. Как быть с книгой, Дюамеля?

Ведь ее не перескажешь никак, а выписывать из нее за страницей страницу—не лучше ли будет, если вы, читатель—ее достанете и внимательно—не по беллетри-

К 125 летнему юбилею, со дня рождения, А. С. Пушкина.

Л. М. Быкова (внучка А. С. Пушкина), проживающая в Полтаве. Наркомсобезом Украины, по ходатайству Полтавского Губсобеза, Л. М. Быковой назначена усиленная пенсия, как внучке А. С. Пушкина.

РЕБУСЫ, ШАРАДЫ, ЗАДАЧИ.

Десять читателей приславшие первыми решения всех задач будут бесплатно получать в течение июля месяца журнал „ПЛАМЯ“.

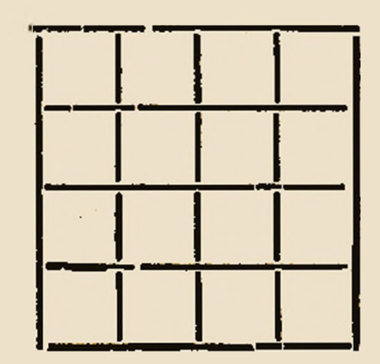
При определении порядка присылки ответов редакция принимает во внимание день получения на месте журнала и время, необходимое для пересылки письма.

Шарада № 1.

Начало—вспомни о попах:
Они грозят **им** на том свете;
Пред **ним** испытывают страх
Старушки дряхлые и дети.
Второй—красавец, смугл и прям,
Живет в пустыне, близь Сахары,
Он на верблюдах, по пескам
Развозит разные товары.
Затем последует союз
И **наконец** местоименье,
А ко **всему** имеет вкус
И воровское тяготенье
Страна, где под кнутом бояр,
— Мы скажем прямо и короче:
Томится тяжко млад и стар
И не живет, а мрет рабочий.

В.

Задача № 2.

Требуется в клетках так расставить буквы, чтобы при чтении слева направо и сверху вниз получались те же четыре слова, обозначающие:
1. Небесное светило.
2. Упрек.
3. Убежище животного.
4. Житель одной из жарких стран.

Шарада № 3.

Первый слог мой в танцах легко
Отыскать без малейшего риска,
На **втором** восседать высоко
Но и падать приходится низко;
А **всего** не жалел для рабочего
Царский раб и палач-генерал,
Не жалей же и ты, кроме прочего,
Этой штучки для тех, кто сдирал,
— На потеху царю самодуру,
С трудового народа последнюю шкуру

В.

Шарада № 4.

Прочти обратно **первый слог**,
И средь певцов найдешь его ты;
Второй ты отыскать бы мог,
Взглянув внимательно на ноты.
А **целое** сметает чисто,
Когда в руках кавалериста.

В.

Ребус № 5.

стически, а как человеческий документ первостепенной важности прочитаете...

V.

Пусть книгу Дюамеля трудно пересказать. Думается—с некоторым, пусть большим трудом это сделать можно. Но вот другая книга—книга С. Льюиса—„Мистер Беббит“.

В ней—Америка—обычная, с ее шумом, долларами бюзинесс—делом. И все же—эта книга неповоротлива, как ломовая лошадь, и разница между ней и, например, рассказами Генри—такая же, как между тяжелой замоскворецкой купчихой и канатным плясуном...

Но есть в них что-то общее, в этих двух книгах (мы говорим о Дюамеле и Льюисе). Это общее—их об'ективная, обязательная для каждого тенденция (направление, внутрений смысл).

Думаем нет нужды повторять: только потому и является художественное произведение—художественным, что возможны многообразные его толкования. Каждому оно говорит „что-то“, и предугадать все эти „что-то“ немыслимо так же, как исчислить морской песок.—Но всегда есть возможность из этого бесчисленного количества оценок и восприятий выделить одно —то, что позволяет нам понимать друг друга, когда мы произносим: Дон—Кихот Гамлет, Онегин, Рудин...

Ни для такого Беббита, ни для героя „Полуночной Исповеди“ не пришло еще время, когда можно будет положить их на полочку, прикрепить к ним раз и навсегда ярлычек. Но расчистить место на этой полочке уже можно.

Оно в акурат придется там куда будущий историк литературы отложит книги, на которых будет написано: **капитализм и смерть**“...

Да то, что роднит эти разные книги, одну французскую, другую американскую —это обективно постигаемый из них вывод: капитализм—умерщвляет человека, превращает его в штампованную куклу, хочет лишить его всего, что делало человека—человеком...

Рассказ о том, как борется человек с этим злым напором, рассказ о том, как не может и не хочет ему покориться—вот о чем рассказывают эти книги. И поэтому —обе они—рассказ о **бунте**.

Бунтует скромный и тихий герой Дюамеля. Он добрый, покорный и мало приметный человек. Но иной раз им овладевает бешеная потребность протеста. Он выражает его, как может. И когда однажды он появляется в кабинете у своего толстозадого шефа (хозяина), директора какого-то предприятия — под наплывом стихийной потребности он должен, он не может—не проверить—точно ли это человек. И он притрагивается к уху этого существа, чтобы увериться: да, и это **тоже** человек... Нужно ли говорить: „тоже человек“, завопил, зарычал, кликнул клерков, (служащих) и эта короткая минута любопытства становится несчастьем всей жизни того, чью исповедь поведал Дюамель. Мистер Беббит—тоже бунтовщик. Герой Дюамеля—скромен и добр. Мистер Беббит буржуа, и поэтому горд, самоуверен, и это один из **его** служащих мог бы рассказать „полуночную исповедь“... Мистер Беббит—американец на 100%, и его целиком смолола мельница капитализма. Он оглядывается—он хочет протестовать—но уже поздно. Он покоряется— и книга С. Льюиса—книга о бессилии человека перед всесокрушающим победным, торжествующим покуда капитализмом...

VI.

Ничего не будем больше говорить об этой книге. Метод „осколочного“ видения и узнавания человека доведен здесь до исключительной степени совершенства. Все мельчайшие подробности быта—до подтяжек и устройства ванной комнаты у среднего американца—обо всем этом узнаете вы из книги Беббита.

Это не беллетристика. Это почти полицейский протокол. Но это странный протокол,—и недаром в предисловии к русскому изданию этой замечательной книги сказано, что „читаешь—и кажется будто спокойное публицистическое исследование, прочтешь—будто жгучий памфлет...“

И действительно—обе эти книги пощечина — хлесткая, от которой стыдно и больно—и эта пощечина ярко горит на роже капитализма... Вот почему — эти книги не только первоклассные художественные произведения, но и важные социального порядка **события**.

VII.

Вы не забыли, читатель, того, что говорилось в начале о русской литературе...

Не хочется думать, что вам показалось—будто одной из задач нашей художественной прозы—„открытие“ русских мистеров Беббитов. Нам кажется почетной такая задача: рассказать „о новом человеке на новой земле“...

Новая земля—это наша земля... А новый человек—это человек, труда физического или умственного живущий на этой земле...

Покажите нам его, дайте нам увидеть, чем отличается он от рядового, обычного, своего собрата, который живет за границей.

Поймите, как это интересно и нужно...

И. РОДНЫХ.

СПОРТ.

Легкая атлетика.

Наибольшей популярностью в С.С.С.Р. после футбола пользуется легкая атлетика (бег, прыжки, метание).

В результате проделанной органами Всевобуч, а позже Советами Физической Культуры, спортизация—легкая атлетика, в дореволюционное время известная лишь крупным городам, при Советской Власти проникает всюду, идя по проложенной футболом спортивной дорожке...

Брошенные в массу лозунги:

Спорт-не самоцель, а наилучшее средство физического развития.

Не индивидуальные достижения чемпионов, а достижения всего спортивного коллектива.—

легче всего проводятся на деле в легкой атлетике.

На Украине, Харьков в этом отношении сделал первый шаг, и шаг удачный—в то время, как раньше к состязаниям удавалось привлечь в лучшем случае 30-35 участников, теперь они исчисляются цифрами 70-100 и больше.

Первое состязание в средине мая в эстофетном беге на $5\frac{1}{2}$ километров привлекло еще небывалое число участников—76 чел. от 7 спортивных клубов. Вся дистанция была разбита на 4 этапа: первый—около 3 кил. второй около $1\frac{1}{2}$ кил. для более опытных бегунов, 800 м.—для новичков и 200—для женщин.

Красивой пестрой группой, из тесного кольца зрителей выбежали стройные, молодые спортсмены—и растянулись лентой вдоль парка... А на втором этапе нетерпеливо дожидается смена... А у бегущих одна мысль, как-бы скорее добежать, чтобы поставить своего товарища в лучшие условия... Мысль о себе, как о составной части команды, как о члене спорт-коллектива.

Вот уж и вторые рванули вперед—бодрые и настойчивые их сменили новички. Последний, решающий, этап дан женщине... кто будет первой—та и дает победу своему кружку.

Быстро одна за другой мелькают участницы на финише—конечном пункте. Бег окончен...

Лучшим оказался клуб физкультуры им т. Петровского, 1-я команда которого, в составе т. т. Ордина, Филио, Шматько и Кулик—пришла первой в 20 м. 15 сек.

Хорошим партнером победителя залс.. и Спорт-Клуб—Дворца Труда, вивший очень дружную команду щую из тт. Мильфорт Н. Чемезов славского и Чернявской.

Хорошо выявили себя такж дые клубы, впервые выступи Штурм, дом Красной арми Спорт-Клуб и Рабфаковец.

Второе состязание, устроенн собрало еще большее число уча

На этот раз 9 клубов вы 11 команд—со 110 участникам,

эстафетный бег на 10 километров где каждый из десяти бегунов команды пробегает по 1 километру—а победа присуждается той команде, у чьих 10 бегунов в совокупности будет лучшее время.

День предпраздничный... Аллеи парка усеяны гуляющими, появляются спортсмены, и взгляды всех обращаются на них. На месте спорта и финиша тесной стеной

Общая группа участников эстафетного Кросс—Коунтри 10 мая.

стоят зрители... Мешают бегунам, отвлекают расспросами—но все спортсмены и судьи мирятся с этим—отвечают—помня что не только для выявления результатов собрались они сюда, но и для пропаганды физкультуры.

Недаром со „своей“ спортивной площадки—брошены спортсмены в гущу людскую.

...манда К.Ф.К.П. Кулик, Шматько, Филио, Ордин—победительница эстафетного Кросса.

Сигнал... Побежали... 1, 2, 3 круг—то одни впереди, то другие; 4, 5—видно уже что борьба борьба не злобная—дружеская—спортивная, разыграется между двумя клубами КФКП и СКДТ.

Вот последний этот... Теперь ясно. Команда клуба Физкультуры им. Петровского—первой. Время 31 м. 31 сек.—лучшее УССР. Эту победу обеспечили тт. Шалько, омии Н. Шматько, Ададуров Сироткин, тонов, Стариков, Филио, Жиляев и чин.

порт-Клуб Дворца Труда первые этапы

был впереди и лишь сдал на конце закончив—вторым.

Третье место, занял штурм—состоящий целиком из новичков легко-отлетов и поэтому его успех тем более ценен. Дальше были—Спорта, Балабановцы, К.С.К. Д.К.А. ВЖ и ХПЗ последние—два клуба состоят из рабочей молодежи заводов ВЕК и ХПЗ и их первые для начала удачные выступления особенно отмечаем.

Так идет работа по легкой атлетике в Харькове...

Что-же делают другие города УССР?..

Лучше всех дело обстоит в Киеве. Много новичков. Наличие опытных инструкторов—создают благоприятную почву для развития легкой атлетики.

В этом году в Киеве впервые начали выступать женщины.

В начале июня там был также разыгран эстафетный бег 10×1000.

Победителем оказался сильнейший по легкой атлетике кружок „Спорт“, который покрыл 10 кил. в 32 мин. 10 сек. Далее были „Клуб Ленина“, „Желдор“, Авиошкола—всего 6 команд—60 участников.

Хорошо работает Житомир (на Волыни) Чернигов, Одесса. Их результаты будут вскоре видны.

Начинает шевелится и Донбасс, Екатеринославщина, Подолия, Полтавщина... но в центре их работа еще не чувствуется.

Надо подтянуться.

Равнение по Харькову.

Ир.

Футбол.

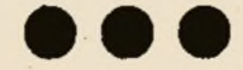
Ленинград—Харьков.

Встреча сборных команд Ленинграда и Харькова не состоялась. Ленинградский совет физкультуры командировал в Харьков команду центрального показательного клуба „Спартак“ (б. Спорт) Задержавшись в пути, ленинградцы приехали в Харьков 15 июня за 1 час до матча и без всякого отдыха вышли на поле.

В первой игре ленинградцы встретились со 2-й сборной Харькова. Матч начинается сильным „нажимом“ Харькова. Заканчивается матч со счетом 2:0 в пользу 2 сборной Харькова.

В этом матче ленинградцы совершенно не показали то[...] игры, которой они удивляли всех [...]шлом году. Харьковская [...]а, наоборот, показала себя с лучш[...] роны и явно доминировала во врем[...] матча.

На следующий день, 16 июн[...] градцы встретились с 1 сборной Ха[...] кова. Эта игра является более интере[...] ной и оживленной. Матч заканчивает счетом 1:0 в пользу Харькова.

ШАХМАТЫ и ШАШКИ.

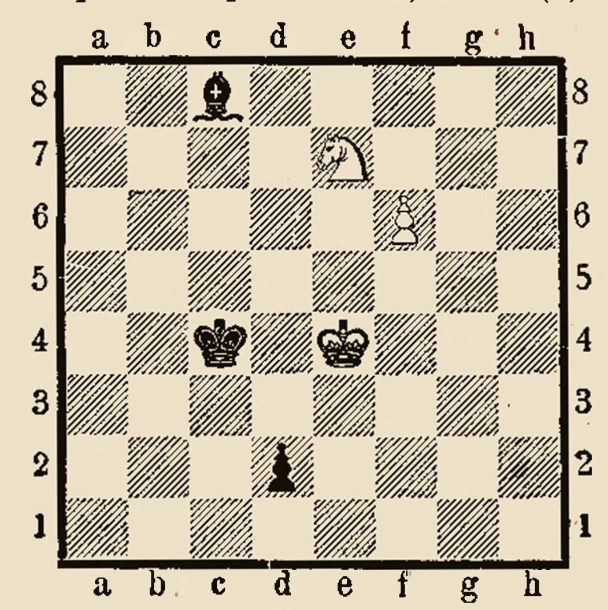
Под редакцией И. Л. Янушпольского.

ШАХМАТЫ.

Этюд № 2.

А. С. Селезнева.

Черные: Кр. c4, С c8, п. d2 (3).

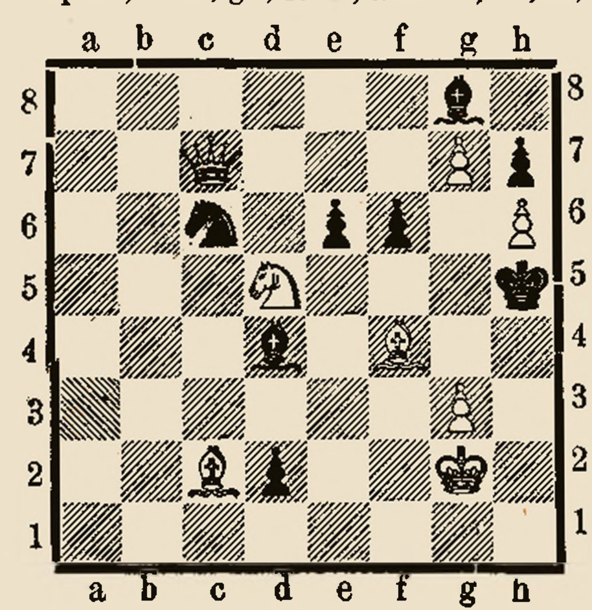
Белые: Кр. e4, К e7, п. f6, (3).

Белые начинают и делают ничью.

Задача № 3.

И. В. Молчановского.

Черн.: Кр h5, С d4, g8, К c6, п.п. d2, e6, f6, g7 (8).

Белые: Кр g2, Ф c7, С c2, f4, К d5, п.п. g3, g7, h6 (8).

Мат в три хода.

Задача № 4.

В. Марэна.

Белые: Кр. c1, Ф g7, Л f6, С e2, e5, К c3, g5 (7).

Черные: Кр. e3, Ф b8, Л e, h8, С d5, g3, К h2, п.п. a7, b4, h6 (10).

Мат в два хода.

Решение задачи и этюда.

(„Пламя“ № 4).

…ча № 1. 1 g5—g6!, Кр e5—f6:, 2 g6—… Кр e5—d4:; 2 Ф h6—d2+. 1 Л a4—… Ф h6—g5+. Угроза 2 К f6—d7+. …; 2 Ф h4.

…юд № 1. 1 К d4—e6, Кр c4, 2 К c6—+, de.; 3 С b3+, Кр b5; 4 С a4 и выигры-ют: 1 Кр e4; 2 К c5+, dc; 3 С f3+, …р. f5; 4 С g4+ и выигрывают.

ХРОНИКА.

Москва. В августе месяце здесь пред…оложено разыграть одновременно с шах…матным и шашечный чемпионат СССР.

Галлерея шахматистов.

Чемпион мира КАПАБЛАНКА.

Старый вопрос.

Что такое шахматы,—эта игра, которой серьезные люди посвящают всю свою жизнь, о которой написаны толстые книги?—Игра это или наука?

Если мы проследим историю шахмат, то окажется, что они всегда больше всего были распространены в наиболее культурных странах. В средние века шахматы были занесены в Европу арабами, являвшимися в то время носителями мировой культуры.

В XIX в. странами, в которых шахматы достигли наибольшего распространения, были Англия и позднее Германия, Россия и Америка.

Попытаемся теперь выяснить, в чем же заключается культурное значение нашей игры. Шахматы это игра—борьба. Как указал Ласкер, у каждого человека есть потребность к какой нибудь игре—борьбе: в области спорта, или за шахматной доской мы ищем возможности испытать свои силы, попытаться победить.

Но культурного человека не удовлетворяет никакая игра: слишком мало дает ему и такая, которая зависит только от физической ловкости, и та, где решающую роль играет счастье. Шахматы же являются игрой—борьбой чисто духовной, где нет места слепому случаю. Только от наших способностей к борьбе зависит здесь, победим ли мы или будем побеждены, и это дает нашей игре ее глубокую содержательность.

Возможно-ли, чтобы игра была одновременно искусством? Но ведь игра и искусство вовсе не так различны, как часто думают. Играющий, также как и художник создает свой собственный мир, уносится от повседневности в им созданный мир. И, наконец,—всякое искусство вед… некогда было игрой.

Сто лет тому назад шахматы, конечн… были еще только игрой, но в настоящ… время шахматы—зарождающееся, раз…вающееся искусство.

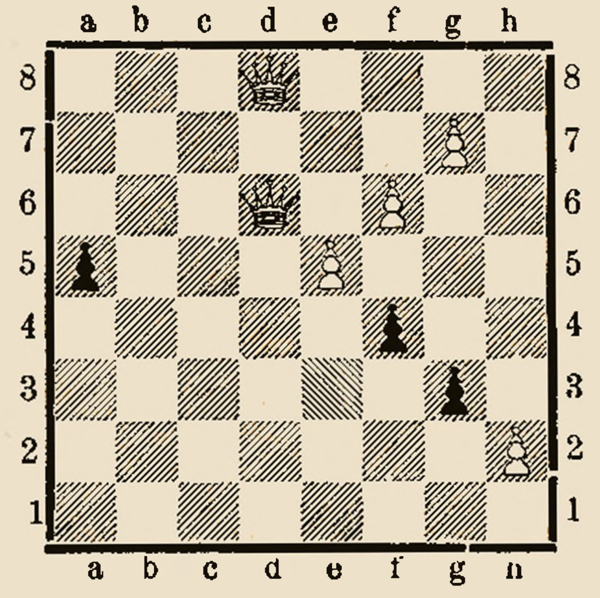
Р. Роти. („Шахматы…

ШАШКИ.

Задача № 3.

Н. И. Крылова.

Черные: ш.ш. a5, f4, g3 (3).

Белые: Д. d6, d8, ш.ш. e5, f6, g7, h2 (6).

Запереть простую.

Партия № 2.

Играна несколько лет тому назад во 2-м Всероссийском шашечном турнире.

	Белые—Васильев.	Черные—Каулен.
1.	c3 — b4	d6 — e5
2.	b4 — a5	e7 — d6
3.	e3 — f4	f6 — g5
4.	d2 — c3	g5 — e3:
5.	d2 — f4:	b6 — c5
6.	c3 — b4	g7 — f6
7.	a1 — b2	h8 — g7 a)
8.	c1 — d2 b)	c7 — b6
9.	a5 — c7:	d8 — b6:
10.	b2 — c3 c)	c5 — d4 d)
11.	b4 — a5	d4 — b2:
12.	a3 — c1:	b8 — c7 e)
13.	f2 — e3	f8 — e7
14.	g3 — h4	e5 — g3:
15.	h2 — f4:	b6 — c5
16.	g1 — h2	f6 — e5 f)
17.	e3 — d4!	e5 — c3:
18.	d2 — b4:	c5 — a3:
19.	c1 — b2	a3 — g5:
20.	h4 — h8: Д	h6 — g5
21.	Д h8 — g7	d6 — c5
22.	Д g7 — h6	g5 — h4
23.	Д h6 — g7	c7 - d6
24.	Д g7 — a1	e7 — f6
25.	Д a1 — g7:	d6 — e5
26.	Д g7 — b6:	a7 — c5:
27.	e1 — p2 и выигрывают:	

a) Здесь, вероятно, лучше было играть f8—g7.

b) Если 8 b2—c3, то h6—g5; 9 f4—h6:, …—f4; 10 g3—e5; f6—b2: и выигрывают.

c) Если 10 f2—e3, то c5—d4!; 11 e3—g5:, …5; 12 f4—d6: h6—f4:; 13 g3—e5:, a5—a1: …ерные должны выиграть.

Ход, проигрывающий партию. Сле… играть 10 f6—g5; 11 f2—e3; g5—h4; … h4—… ; 13 a3—c1:, e5—g…, 14 a5—e5:, … h2—f4:, e7—f6; 16 c1—b2 с равной …

…2 b6—c5, то очевидно 13 a5—b6 … игрывают шашку или же про…мки.

…и 17 a7—b6, то 17 h2—g3, f6—e5; и дальше, как в партии.

№ 3278-679. Харьков. Типография „КОММУНИСТ“, Ц. К. К. П. (б.) … Тираж 45000.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на июль месяц 1924 года, на большую ежедневную газету

„КОММУНИСТ“

Орган Ц. К. К. П. (б.) У.

НА ВСЕУКРАИНСКУЮ РАБОЧУЮ ГАЗЕТУ **„Пролетарий“** Орган Укрбюро ВЦСПС.

и двухнедельный иллюстрированный журнал

„ПЛАМЯ“

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА:

на 1 мес. «**Пламя**» **40** коп., при коллективн. подписке для рабочих—**30** коп.
на 1 мес. «**Коммунист**» **1** р. **30** к. С прил. журн. «**Пламя**» **1** р. **70** коп.
Для служащих при коллективной подписке через месткомы
на 1 мес. «**Коммунист**» **1** р. С приложен. журнала «**Пламя**» **1** р. **40** коп.
Для рабочих при коллективной подписке через фабкомы
на 1 мес. «**Коммунист**» **80** к. С прилож. журнала «**Пламя**» **1** р. **10** коп.

на 1 мес. «**Пролетарий**» **60** к. С прилож. журнала «**Пламя**» **1** р. — коп.
Для служащих при коллективной подписке через месткомы
на 1 мес. «**Пролетарий**» **50** к. С прилож. журнала «**Пламя**» — р. **90** коп.
Для рабочих при коллективной подписке через фабкомы
на 1 мес. «**Пролетарий**» **40** к. С прилож. журнала «**Пламя**» — р. **70** коп.

Цены указаны с доставкой и пересылкой.

В ХАРЬКОВЕ подписка принимается в Экспедиции «КОММУНИСТ», ул. К. Либкнехта (б. Сумская), 11.

В ДРУГИ ГОРОДАХ—в отделениях и контрагентствах Из-ства «КОММУНИСТ».

15-го июня с.г. издательством „Коммунист“ по соглашению с Центральным Комитетом К. С. М. У. возобновляется регулярный выход Всеукраинской газеты рабочей молодежи

„МОЛОДОЙ ЛЕНИНЕЦ“.

орган ЦК КСМУ и харьковского губкома.

Газета будет выходить **два раза в неделю**, по средам и субботам в формате 4—6—8 страниц. **Газета реорганизована** и рассчитана, как на комсомольскую массу и рабочую молодежь, так и на низового союзного активиста.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА НА 1 МЕСЯЦ 25 КОП.

Подписка принимается во всех отделениях „Коммуниста“.

Адрес редакции: Харьков, Мироносицкая, 21 б, телефон 18-21. Адрес главной конто арьков, Пушкинская, 31, контора „Коммунист“ для „Молодого Ленинца“.